

Тэсс Михевич

в Цинисот

NoSugar. Тьма

Тэсс Михевич

В унисон

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тэсс Михевич

В унисон / Тэсс Михевич — «Издательство АСТ»,
2023 — (NoSugar. Тьма)

ISBN 978-5-17-158187-9

Хидео Мацумура ещё с первого дня заметил странное поведение новенькой в его классе – Мичи Хамады. Странная внешность, странный характер, странные взгляды... Она словно бы знает больше, чем говорит. И ладно бы она была простой неформалкой, но всё оказалось куда сложнее и загадочнее... Прошла неделя, за которую стало ясно, что ничего не ясно. Его затянуло в какую-то игру, и, чтобы выйти победителем, придётся либо пожертвовать другим игроком, либо проиграть, разлетевшись в клочья. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158187-9

© Тэсс Михевич, 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

День I. Цветы и книги	6
Хидео: цветы в их однообразии	6
Лили: судьбоносная встреча	12
Хидео: старые тихие книги	15
Генджи: пропавший мальчик	19
Хидео: поцелуй скорбящего к умершим	23
День II. Коллекция душ	28
Хидео: увлечение черепами	28
Лили: суперкислоты и формальдегид	35
Хидео: приглашение	38
Генджи: признаки убийства	43
Лили: ужасная новость	46
Хидео: стремление к сердцу	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Тэсс Михевич

В унисон

© Михевич Т., 2023

© Рассин, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

День I. Цветы и книги

Хидео: цветы в их однообразии

И без того хмурое утро выдалось совсем паршивым: будильник словно забыл о своих обязанностях и отказался работать. Как же Хидео захотелось разбить его в эту минуту! От усталости веки словно налились свинцом, поднять их удалось только с третьей ей или четвертой попытки. Хидео всегда трудно вставал, по ночам ему подолгу не удавалось уснуть, а если и удавалось, то его долго и болезненно мучили выматывающие сны. Будильник, оглушительно прорезавший тишину комнаты, становился настоящим спасением. Всегда. Но не сегодня.

Хидео лениво поднялся, оглядел свою комнату, по которой словно прошел ураган – повсюду были разбросаны старые и новые книги, среди которых затесались ни в чем не повинные учебники; одежда, вытянутая из шкафа, мятыми ворохами обнимала всевозможные поверхности (кроме стола); грязная посуда ровными стопками стояла на полу везде, преграждая дорогу каждому, кто попытается пройти от одного угла комнаты к другому. Пылью заросла крышка ноутбука и поверхность стола, на котором Хидео месяцами ничего не трогал, а только позволял микрожизни понемногу размножаться в крошечных пределах его мирка.

Все как обычно.

Кое-как Хидео Мацумура встал и медленно поплелся через весь этот мусор к выходу, чтобы позавтракать. Как бы сильно он ни опаздывал, перекусить было важнее всего – это объяснялось не его прихотью, а потребностями организма. Без еды ему становилось совсем худо.

Дом оказался пуст, и это приятно удивило. Папа ненадолго уехал в командировку в другой город, а мама ушла на работу еще ранним утром, ласково предупредив Хидео о том, где искать еду. Иногда парню казалось, что она считает его бестолковым, не способным на какие бы то ни было действия. Он и сам себя периодически считал таким, хотя ему пока просто не подвернулось повода, чтобы раскрыть свой потенциал.

Посмотрев содержимое холодильника, Хидео захватил бэнто, с неудовольствием отметив пустоту в желудке и маленький вес контейнера. Понятно, мама решила оставить его без завтрака, полагаясь на то, что сын проснется поздно и есть ничего не станет. Но время уже совсем поджимало, поэтому Хидео решил не задерживаться. Он встал не просто поздно, а очень поздно!

Поспешно он стал собираться в школу, на ходу прикидывая, стоит ли бежать пешком или все-таки взять транспорт. Школа находилась в нескольких кварталах от его дома, и добирался до нее он обычно на велосипеде – выбор часто падал не в пользу пешей прогулки. Сегодня на велосипед страшно было смотреть: руль покосился, сильно облезла желтая краска, сделав заметными рыжие разводы ржавчины, слетела цепь – видимо, потому, что Хидео неаккуратно припарковался у дома, когда вернулся вчера вечером. Пришлось еще немного повозиться с цепью, прежде чем поехать.

Взяв его за руль, Хидео выкатил велосипед на дорогу, при этом он как-то странно затрепал: то ли цепь встала неправильно, то ли что-то лишнее, ненужное застряло в спицах колес. Но обращать на это внимание Хидео не стал – его уже полностью захватили размышления о выпорхнувшей перед ним из дома Лили Рокэ. Лили была его новой – если не сказать очередной – пассией: пару месяцев назад они точно так же вышли из дома в одно и то же время, и Лили премило проболтала с ним всю дорогу до ближайшего магазина. Так они познакомились. Так он влюбился.

Да и как было не влюбиться в ее красивые рыжие локоны, падающие на плечи? Еще долго после этой встречи Хидео не мог забыть ее милое лицо, невозмутимо спокойное в любой ситу-

ации. Лили казалась ему статуей, навечно застывшей в полном спокойствии и умиротворении. Наблюдая за ней, Хидео узнал и о другой, не такой заметной ее стороне – Лили могла быть вспыльчивой и очень эмоциональной: такое ее поведение ярко проявлялось в напряженных беседах, и она часто вступала в споры. Лили могла закипеть, говоря о чем-нибудь неважном, могла прийти в настоящую ярость, если ее мнение ни во что не ставилось. Она была хороша в своем гневе. Даже бесподобна. Всего один человек за глаза называл ее истеричкой.

Хидео проводил девушку взглядом, не решаясь заговорить с ней. Быть стеснительным человеком очень опасно и неприятно – всегда остаешься в стороне и вообще жалеешь, что не сделал что-то, когда это было очень нужно.

На дороге дальше была развилка, одна сторона которой вела в сторону магазинов, кафешек и других развлечений, а вторая – в школу. Хидео медленно ехал на велике позади Лили, отчаянно надеясь на то, что она услышит шорох его шин о камни или обратит внимание на треск его велика, и эти звуки заставят ее обернуться и снова заговорить с ним, как когда-то давно.

Но девушка свернула налево, в сторону города, и Хидео застыл как вкопанный.

И почему Лили сейчас не в школе? Ее нечасто можно встретить там, но, судя по ее оценкам, не похоже, что она прогуливает. Или ему это только кажется?.. Раньше Хидео никогда не задумывался о том, что Лили может пропускать уроки, что ее отсутствие в школе может быть вызвано болезнью или какой-то другой причиной. И это его... встревожило.

Размышляя о девушке, Хидео задумчиво свернул направо, взял велосипед и почти сразу на максимальной скорости помчался навстречу освежающему ветру.

Перед глазами замелькали до боли знакомые места: то казавшиеся слишком холодными и чужими его сердцу, то наоборот, такими знакомыми и родными. Хидео готов был ехать здесь с закрытыми глазами, только бы не видеть их глупого обаяния, не замечать их сильного влияния на себя. От домов сквозило неприязнью, точно они были живыми людьми, и старые окна зданий как будто смотрели на него осуждающим, чуть замутненным взглядом.

Хидео проехал мимо дома своего хорошего друга Генджи и задумчиво посмотрел на обшарпанные стены. Тот, должно быть, уже в школе. Друг никогда не опаздывает в отличие от Мацумуры, и если вдруг что-то подобное случается, то зависит не от самого Генджи.

Вообще Генджи очень пунктуальный, точный, аккуратный человек. Его отец работает в полиции, и именно он привил сыну необходимую для их бешеного ритма жизни дисциплину, которая не раз выручала Генджи. Может, он и не был благодарен отцу за это, однако знал, что его участие в воспитании неоценимо.

Хидео так увлекся своими мыслями о Генджи, что совсем забыл, что все еще едет на велосипеде! Руль, которым он управлял, повело в сторону, и парень въехал прямо в забор. Не удержав равновесие, он свалился с велика. Стоило все-таки идти пешком сразу... На этой развалине все равно он бы далеко не уехал!

В момент падения (а может, раньше?) Хидео остро услышал громкий металлический звук, от которого в голове словно взорвалась бомба, окатив черепную коробку болью. Руки потянулись к вискам, чтобы удержать голову на месте. Хидео лежал, не решаясь открыть глаза: пока он держит их закрытыми, мира не существует, а значит, нет ничего страшного.

Лишь немного погодя Хидео начал прислушиваться к своим ощущениям.

Все тело нещадно саднило, он едва чувствовал через боль свои конечности. Попытался пошевелить пальцами на ногах, на руках. Выходило с трудом, но хорошо, что вообще вышло!

Он услышал, как кто-то идет рядом.

– Ты в порядке?

Нежный, тонкий голос, немного свистящий, но оттого еще более прелестный. До парня донесся цветочный запах парфюма, и на мгновение он решил, что это Лили и что она решила

вернуться, чтобы пойти вместе с ним в школу. Хидео даже глаза открыл, но, к его удивлению, никакой Лили рядом не обнаружил.

Перед ним стояла незнакомая девушка – хотя, в ее лице было что-то, что вызывало у Хидео мимолетное узнавание, но точно сказать он не мог. Она была другой. Будто Хидео знал ее когда-то давно, в далеком детстве, но потом потерял из виду на долгие годы, а она за это время изменилась до неузнаваемости.

Девушка с первого же взгляда на нее поражала своей необычностью: короткие светлые волосы, едва достающие до плеч, небрежно убраны с лица заколками; неестественно большие карие с желтизной глаза, которые с беспокойством рассматривали Хидео и его многострадальный велосипед; и фигура – отпадная фигура, надо сказать! – чуть покачивалась из стороны в сторону, точно заигрывала с ним. Хидео принял это покачивание за головокружение, поэтому тряхнул головой, чтобы оно прошло, но в итоге сразу же и поплатился за свои активные действия – его виски пронзила дикая боль.

– Со мной все отлично, – прокричал он, вновь хватаясь за голову.

– Не похоже, – констатировала незнакомка.

Хидео потребовалось еще несколько секунд, чтобы в глазах перестало двоиться, а голова прекратила, наконец, совершать воображаемые кувырки. Он встал, покуда хватало сил, и стряхнул с колен грязь. Его слегка покачивало, но Хидео этого не замечал. Светловолосая девушка стояла по-прежнему рядом, смотрела на него так пристально, как не смотрел даже он на себя в зеркало – наверное, таким проникающим, глубоким взглядом смотрят врачи на опухоль пациента, пытаясь разгадать причины ее появления.

Ему стало неприятно, и он отшатнулся.

– Я рада, что с тобой все хорошо, – губы незнакомки чуть тронула улыбка – лишь на пару секунд, но потом девушка вновь нацепила на лицо маску дежурного внимания.

Хидео украдкой смотрел в ее карие глаза, которые все еще осматривали его тело. Он не решался взглянуть на девушку прямо, но не смотреть на нее не мог: она вызывала в нем сильное любопытство. Конечно, она немного пугала, но это лишь потому, что она подошла к Хидео, когда тот пребывал не в самом лучшем виде.

– Да, – растерявшись, сказал он, – я в полном порядке. И мой велосипед тоже.

Она бросила насмешливый взгляд на велосипед. Хидео даже не стал оборачиваться – он спиной чувствовал, что от его транспорта не осталось ни одной целой спицы.

– Не знала, что велосипеды так травмоопасны! – пробормотала незнакомка, улыбаясь.

– Я тоже, – ляпнул Хидео и тут же прикусил от досады губу.

Эта девушка просто пошутила! Почему он так сильно тупит?!

– Ты в школу? – спросила она.

Хидео кивнул. Ему не хотелось закапывать себя еще сильнее. Молчание тоже нельзя было назвать блестящей тактикой, но от него хотя бы вреда меньше, чем от длинного языка.

В школу? Она сказала: «В школу»? Хидео задумался, вглядываясь в белокурую незнакомку внимательнее. Странно, раньше он никогда не видел ее в этом районе. Более того, он никогда не видел ее в школе! Его нельзя было назвать проницательным, но такую заметную девушку он бы вряд ли пропустил.

Только теперь Хидео решился посмотреть на велосипед – да, он был в ужасном состоянии. Везти его назад было бы далеко, а вперед не было смысла. Пусть пока полежит здесь, Хидео заберет его на обратном пути.

Он вновь поравнялся с незнакомкой, ощущая на себе ее заинтересованные взгляды.

– Ты живешь в этом районе? – спросил Мацумура, чтобы не затягивать молчание.

– Не совсем, – уклончиво ответила она. – Просто здесь живет моя подруга, и я у нее иногда ночую.

– Я не видел тебя здесь раньше.

Девушка удивилась, и Хидео вдруг показалось, что она сделала это специально.

– Я просто выглядела немного иначе. Покрасила волосы.

– Ты смелая, однако!

– Скорее, отчаянная, – она деланно хихикнула. – По сто раз на дню из-за волос выслушиваю упреки учителей. Скоро выучу их наизусть.

Хидео поддержал ее смех, но в глубине души поймал себя на жалости к ней, ведь ей приходится оправдываться за то, какой хочет быть.

Они начали непринужденно болтать обо всем. Так Хидео узнал, что ее зовут Хамада Мичи и что семья у нее очень религиозная. Примерно раз в две недели она вместе с ними посещает храм богини Инари, где молится за благополучие и процветание своего рода. У девушки есть родная сестра и множество дальних родственников. Оказалось, именно многочисленная родня доказывает силу и мощь Инари.

Хидео было непривычно слушать живой, нестройный поток речи Мичи, где она сообщала немало подробностей и деталей из своей жизни. Хидео мало успел рассказать о себе, да и девушка всем своим поведением показывала, что это и не требовалось. Ей как будто не было интересно то, о чем думает Хидео и что у него происходит. А может, она просто хотела, чтобы ее кто-то выслушал?

Так, неспешно болтая, они вошли на территорию школы, и Мичи отстала, предупредив его о том, что должна кое-кого встретить. Хидео не стал оставаться с ней, – навязчивость с его стороны могла быть дурно истолкована.

Почему же он раньше ее никогда не видел? Конечно, первым делом его привлек ее яркий цвет волос, и если бы Мичи оставила свой натуральный цвет (она сказала, что он был каштановый), то ничем не выделялась бы среди остальных учениц. Вероятно, раньше Хидео ее не замечал именно по этой причине.

Он угрюмо и очень неохотно плелся к зданию школы, полностью погрузившись в мысли о новом знакомстве. Лишь у самого входа он обратил внимание на унылый школьный пейзаж.

Все вокруг изменилось. И школьный двор уже не выглядел так ухоженно, как несколько лет назад, когда директору пришлось в голову привезти разные сорта всех возможных цветов, которые только могли прижиться в Японии. Тогда все вокруг приходило смотреть на ирисы, примулы, нарциссы, розы, гвоздики, тюльпаны и хризантемы. Теперь от тех посаженных цветов мало что осталось – многие виды и сорта так и не прижились, из-за чего пришлось возвращаться к прежнему однообразному саду. Повсюду теперь росли розы, хризантемы и тюльпаны.

Даже само здание школы обветшало, поблекло на фоне распускающейся зелени; у Хидео часто возникала мысль, что, чем старше он становится, тем грустнее делается в округе пейзаж.

В школе Хидео первым же делом переоделся и поспешил на урок. Он постоянно чертовски сильно опаздывал и ничего не мог поделать с этой проблемой. По ночам ему никак не удавалось уснуть, и часто он прибегал к снотворным, из-за которых потом не слышал будильник и вставал сильно позже. Хотя будильник вырубал Хидео, ему все равно было трудно вовремя услышать его и встать прежде, чем он его отключит. Сколько бы он ни пытался себя перевоспитать и вставать пораньше, всегда все попытки заканчивались одинаково: он просто просыпался. С этим уже стоило просто смириться.

В коридоре перед классом Мацумура встретил своего друга Генджи, а тот стоял так, как будто специально его ждал.

– Ты что-то сегодня поздно, – заметил друг, бросая взгляд на часы.

– У меня сломался велосипед прямо возле твоего дома, – невесело усмехнулся Хидео, останавливаясь.

– Я всегда знал, что ты везунчик. Куда же ты его дел?

– Оставил там, где он сломался. На обратном пути заберу.

Они помолчали; мимо прошла девушка с выдающейся фигурой и Генджи, надо признать, не мог не проводить ее заинтересованным взглядом. Правда, взгляд этот не был похотливым, скорее, Генджи пытался оценить степень риска.

Прошедшая мимо ученица как будто натолкнула его на какую-то мысль.

– Слышал, что сегодня в новостях говорили? – выпалил Генджи после того, как девчонка скрылась за поворотом.

Хидео не смотрел новости, но это и не требовалось: Генджи всегда сам рассказывал ему обо всем, что происходит у них в префектуре.

– Ну, и что же? – спросил Хидео, смутно догадываясь о том, что собирается сказать друг.

– В нашем городе завелся маньяк. Представляешь?

Ну, конечно. Другие вещи просто не могут интересовать Генджи!

– И что в этом такого?

Хидео никогда не задумывался о преступности этого мира и своего города в частности. Какая ему разница, кто там кого режет, если он сам всегда соблюдает осторожность и остается в порядке?

– Он зарезал и обесчестил уже трех девушек, вот что! Сначала думали, что это просто убийца, но, как говорится, третий раз – уже закономерность. Так что происходящее в городе – не шутки!

Видя, что Хидео никак не реагирует (эмпатии ему было не занимать!), Генджи схватил друга за плечи и стал трясти, надеясь, что так информация лучше дойдет.

– Мацумура! – крикнул он. – Тебя совсем не волнует, что это могут быть наши одноклассники?!

Только теперь он задумался, хотя это было сложно после сильной тряски. Стал бы он паниковать и волноваться, если бы кто-то из его одноклассников умер? Ну, если только Лили – она и так не появляется в школе, кто знает, какими там вещами она занимается? Вдруг прямо сейчас она навлекает на себя беду?

У Хидео даже сердце сжалось от страха за нее. До этого момента его не заботила ее безопасность, хотя он и понимал, что, случись с ней что, он не смог бы этого пережить; но новость, которую рассказал Генджи, на самом деле ставила под угрозу не только Лили, но и каждую девушку, которая живет поблизости. Теперь ситуация уже не казалось такой безобидной.

Хидео вздрогнул; по школе прошла волна мелодии, говорившей о том, что урок официально начался. Звонок, отрезвляющий голову, неприятно подействовал на Хидео – ему вдруг захотелось сбежать, и бежать так далеко, как только позволяют силы.

Они вошли в класс, и Хидео с неприязнью отметил, что учитель уже здесь – он мог бы отчитать их за опоздание, если бы не знал, что парни все это время стояли возле кабинета.

Хидео сел за стол, с напряжением в мышцах наблюдая, как учитель пишет новую тему на доске.

– Извините за опоздание! – громко воскликнула девушка, вдруг с разбегу влетая в класс.

Учитель дернулся и окинул ученицу строгим взглядом из-под узких бликующих очков. Хидео отвернулся от доски и стал рассматривать в окно школьный двор.

Он мимоходом бросил взгляд на деревья, которые только-только покрылись листвой; на них еще совсем недавно была россыпь кругловатых почек, а теперь пробудились вишневые белоснежные цветы и зеленые светлые листочки. Наконец-то просохли после дождя дорожки, которые побелели под лучами палящего солнца и стали похожи на мрамор. Трава на газоне только-только стала проклевываться, но ее густоты уже хватало на то, чтобы превратить некрасивую поляну грязно-черного цвета в симпатичный изумрудный оттенок.

Несмотря на видимые обновления, пейзаж давно наскучил. Каждый год одно и то же, за все время не поменялось ничего в этом однообразном движении жизни, словно все люди застряли во временной петле длиною в год. Даже почки, даже цветы, даже трава – все распус-

кается, все растет, но одно образно и предсказуемо. Иной раз у Хидео даже дыхание перехватывало от осознания, что мир – такой, как он есть, то есть череда бесконечных повторов. И чтобы пройти дальше, ему нужно было раз за разом совершать определенный набор действий, и вся проблема в том, что он пока что не нашел этот набор. Не смог выполнить нужные действия для того, чтобы пройти дальше.

Поэтому он заперт здесь, в клетке сменяющихся времен года.

Хидео вновь кинул взгляд на ученицу, которую только что мягко отчитывал учитель, и невольно вздрогнул.

Мичи Хамада! Его новая знакомая!

И неужели она учится с ним в одном классе?

На протяжении всего урока Хидео подмывало спросить у Генджи, что он знает об этой девочке. Друг ведь всегда обо всех все знает – он под подушкой хранит профайлы на весь класс, и если Хидео захочет, то сможет воспользоваться этими данными. Но действительно ли он готов лезть в это только для того, чтобы узнать о Хамаде информацию, которую она сама с радостью ему предоставила?

Хидео сидел как на иголках. Когда через спасительные четверть часа прозвучал звонок, Мацумура ошалело вскочил и собрался уже было схватить Генджи под руку для разговора, но наткнулся взглядом на учителя.

Он смотрел так пристально, что у Хидео перехватило дыхание. Чего хочет от него этот человек? Неужели он заметил, что его ученик весь урок витал где-то в облаках, и теперь хочет отчитать его за это? Или, быть может, проверить?

Хидео весь внутренне сжался, ожидая нападения.

– Вижу, вам не терпится сходить в библиотеку за дополнительной литературой, – проговорил учитель ровно, без всякого намека на принудительность.

Как же его звали?

– Э-э-э, с-сэнсэй, я не могу, мне надо срочно в туалет, – пробормотал Хидео, вскакивая.

– Тогда книги занесете после. Я полагаюсь на вас, правда. Мне нужна история развития алхимии.

Мацумура было удивился, но после этих слов кивнул. Он вспомнил, что сэнсэй ведет уроки истории, и за время урока успевает войти в раж, отчего ученикам приходится учить вдвое больше положенного. Очевидно, история развития алхимии нужна ему для того, чтобы объяснить даосские практики на примере древних верований в бессмертную жизнь.

Хидео все же смутно надеялся, что коснутся они этого лишь вскользь – лезть в даосизм ему совсем не хотелось.

Он поплелся к двери, а сзади раздался тихий шепот:

– Меня зовут Сузу.

Мацумура замер от неожиданности, но буквально на секунду, после чего сразу же продолжил путь, захлопнув дверь за собой.

Лили: судьбоносная встреча

Лили уже с самого утра была не в духе, но после слов мамы разозлилась еще больше – та вновь настоятельно просила ее зайти к бабушке, чтобы забрать тостер, которым она не пользовалась. Мама всегда была такой дотошной – сначала купит какую-нибудь безделушку в подарок, а после этот подарок забирает себе. Сама она говорила о том, что это отнюдь не дотошность, а просто практичность – таким образом мама убивает двух зайцев одним ударом: дарит подарок, который впоследствии возвращается к ней.

Но тем не менее Лили приходила в бешенство каждый раз, когда мать посылала ее проведать бабулю. Это же пытка! Как только Лили переступит порог скромненькой квартиры, бабушка тут же набросится на нее с возгласами и причитаниями – вот, дескать, посмотри, до чего довела бабулю городская жизнь! Все видят, что бабушке некомфортно жить посреди суеты, тесноты и загрязненного воздуха, но что делать? Пока родители Лили не найдут жилья получше, бабушке придется ютиться в этой крохотной квартирке. Если бы у Лили не была такая большая семья (с мамой и папой они составляли квартет), они бы охотно поменялись с бабулей местами, отдав предпочтение городу и его быстротечному движению, а не пригороду с частными домиками и спокойным ритмом.

Зная бабушку, девушка решила, что нет смысла идти к ней после школы – она начнет так много говорить, что Лили придется возвращаться домой затемно. Лучше вовсе пропустить школу, чтобы заранее выслушать поток бабушкиных речей, а после благополучно вернуться домой.

План все равно не вызывал у Лили восторга. Выходя из дома со своей обычной хмурой миной, Лили вдруг краем глаза заметила фигуру соседа – его имя совсем выветрилось у нее из головы. Она помнила всех одноклассников, потому что многие среди них были ее друзьями, но соседа помнила плохо. С ним всегда таскается его дружок, у которого вместо настоящего имени – какой-то странный псевдоним, отсылающий то ли к известной визуальной новелле, то ли к повести Мурасаки Сикибу. Хотя что первое, что второе не столько отражает внутренний мир этого дружка, сколько убивает в нем всякую индивидуальность.

Почему-то она запомнила его напряженный, стальной взгляд – таким взглядом можно бабочек прикалывать вместо булавок. Даже сейчас, когда Лили вспоминает его, ей делается не по себе – не то чтобы она часто его вспоминает, скорее просто... иногда этот взгляд встает перед внутренним взором, отчего у Лили нутро сворачивается в комок. Не хотела бы она становиться поперек дороги этому человеку. У него взгляд волчий, злой, задумчивый, а это самое страшное.

Свернув в сторону города, Лили поспешила затеряться среди прохожих, спешащих на работу и учебу – ей было не очень комфортно среди шума и сутолоки, хотя только благодаря толпе она по-настоящему ощущала текущую в мире жизнь. Движение будто пробуждало ее сонное сознание, заставляло действовать, входить в ритм вместе со всеми – это был своеобразный стадный инстинкт, которому Лили невольно подчинялась. Единственный инстинкт, который она не смогла бы в себе побороть.

Ее внимание привлек котенок, перебегающий дорогу. Лили задумчиво посмотрела ему вслед, с досадой отмечая про себя, что бездомные животные в их префектуре по-прежнему являются проблемой. Конечно, их гораздо меньше по сравнению с прошлым годом, и встретить бесхозного зверька можно довольно редко, но каждый такой раз заставлял Лили внутренне содрогаться от осознания, что у кого-то может не быть дома.

Она и сама себя ощущала бесхозной – в жилах отца течет испанская кровь, и его женитьба, а впоследствии и остановка в Японии, относится к чудесным и одному из самых невероятных событий в жизни. Мама, хоть и является чистокровной японкой, родившейся и

выросшей здесь, давно лелеет мечту переехать в какую-нибудь экзотическую страну, где людей мало, а климат теплый. Это не давало Лили покоя на протяжении нескольких лет. Она старательно отгоняла навязчивые мысли о переезде, но родители, для которых путешествия всегда оставались естественной потребностью, с ума сходили от тоски по ним и однообразия. Они обязательно куда-нибудь бы съездили, если бы у них не было балласта в виде младшего сынишки... А оставить его с Лили они не могли. Отсюда и возникала тоска – щемящая, гнетущая, убийственная.

Глубоко задумавшись, Лили не сразу сообразила, что ее кто-то окликнул. Она резко обернулась, ища глазами того, кто мог бы ее позвать. Поначалу ей вовсе показалось, что звали совсем не ее, но повторный звук заставил Лили вновь замереть и завертеть головой.

Сначала она не узнала в этом пожилым джентельмене никого из своих знакомых, но когда он подошел ближе, она обомлела от ужаса – это был Токутаро-сэнсэй, их учитель по химии. Лили собиралась осторожно улизнуть, чтобы не оправдываться перед сэнсэем, но он нагнал ее так быстро, что она ничего не успела предпринять.

– Рокэ-сан, – отозвался учитель, заглядывая Лили в глаза, – вы разве не в школу?

– Нет, – пискнула она. – Бабушка приболела. Несу ей лекарства.

Для наглядности она показала на свою сумку, которая, правда, была пуста.

Токутаро-сэнсэй коротко кивнул, хотя по его лицу нельзя было сказать, поверил ли он ей, или просто притворился, что поверил. Как учитель, он был довольно строг, и Лили, несмотря на пересуды и сплетни, отказывалась верить в то, что этот человек в обыденной жизни совершенно безобиден. Даже если это так, сейчас Лили все-таки была его ученицей, и это обстоятельство сильно ее пугало.

Не потащит же он ее в школу за руку, в самом деле!

И он не собирался ее тащить. Он лишь улыбнулся, наигранно пригрозив Лили пальцем, на котором мелькнуло внушительное кольцо с зеленым камнем:

– Жду вас завтра на занятиях, Рокэ-сан. Хочу предложить вам написать одну работу в соавторстве с вашим одноклассником. Мы можем обговорить завтра детали, хорошо?

– Да. Да, сэнсэй, хорошо.

У Лили даже голова разболелась от энергичных кивков.

Лишь потом она осознала, что учитель предложил написать ей работу! Да она так испугалась его внезапного появления, что даже не спросила, кто будет ее соавтором. Да и важно ли это? Он дал ей шанс проявить себя! Она всегда завидовала тем, кто помимо учебной деятельности берет на себя дополнительную нагрузку – таких учеников поначалу было жаль, зато потом их успехи приносили плоды.

И Лили также хотела, правда, никак не могла решиться. А тут – предложение! Вот это удача.

Бабушка встретила ее в своей обычной манере – прямо с порога принялась причитать о том, как плохо жить в многоквартирном доме, где из всех развлечений только четыре голых стены. А ведь ей так хотелось разбить садик, чтобы вырастить кроваво-красные розы! Она готова была даже за кактусами ухаживать на подоконнике, если бы семья Лили позаботилась о том, чтобы снабдить старушку всем необходимым для садовода арсеналом. Мама просто не хотела разводить грязь – почва и земля ее раздражала, от пыли она приходила в бешенство, любое пятнышко на одежде превращалось в катастрофу. Удивительно, что ее мизофобия не развилась до того, чтобы заставляла мыть руки перед каждым рукопожатием (и после него – тоже)! Лили временами подмывало испачкаться так, чтобы маму хватил удар. Интересно, она сразу выгонит Лили из дома или сначала как следует отчитает?..

– Бабушка, – Лили вдруг вклинилась в монолог старухи, оборвав ее на полуслове, – я пришла забрать тостер, мама меня попросила его у тебя взять.

Это было вопиюще! Возмутительно! Лили ожидала, что сейчас бабушка встанет, как грозная фурия, и набросится на нее, сметая все препятствия на своем пути. Но бабушка лишь вскинула голову, оглядев внучку невидящим взглядом. Лили выжидающе смотрела на нее, мысленно приказывая бабушке отдать чертов тостер прямо сейчас и без лишних разговоров. Если так и будет, она сможет даже успеть прибежать в школу!

Но ничего подобного не случилось; бабушка вновь уткнулась взглядом в свои руки, которые как будто медленно перебирали невидимую ткань. Лили, сидя в кресле, разочарованно выдохнула и подтянула к себе ноги, обхватив колени руками.

Она здесь надолго.

– Маме твоей все на месте не сидится, да? – спросила вдруг бабушка, по-прежнему не глядя на Лили.

Та ступевалась. Она и раньше слышала, как бабушка говорит о матери в таком пренебрежительном тоне, но только теперь пренебрежение приобрело другой оттенок – осведомленности. Откуда бабушка знает о том, что мама хочет переехать?

– А откуда... – сорвался было вопрос с языка Лили, но бабушка резко ее перебила.

– Она же моя дочка! Я все о ней знаю. Я знаю ее намного лучше, чем она сама. Ты, наверное, думаешь, что я старая и глупая?

– Нет, – соврала Лили, не подумав.

– Так вот, я не глупая! С тех пор как у нее родился Одзи-чан, она дальше нашего городка вообще никуда не выбирается. А в ней ведь всегда жил дух настоящей путешественницы.

Лили сидела в страшном напряжении. Так всегда было, когда бабушка переключалась на ее семью. Почему-то каждое слово, произнесенное этой старухой, отдавалось в сердце ноющей болью. Словно она трогала ту самую область, где находилась открытая рана.

– Не создана Чоу для семьи, – вздохнула бабушка горько. – Думаю, если бы она не встретила Уго, то прожила бы спокойную, безмятежную жизнь одинокой путешественницы. Этот дурак околдовал ее, не иначе!

– Мама сама пыталась привлечь папу, – выдавила Лили, очень сконфуженная.

– Он слишком хитер для того, чтобы самому набрасываться на женщину, – ухмыльнулась бабушка. – Конечно, чего еще ожидать от человека, который за столько лет не умудрился запомнить дату ее рождения...

– Их встреча была судьбоносной! – вспыхнула вдруг Лили, будучи не в силах больше это слушать. – Мама была гордой и неприступной, и ее никто никогда не интересовал, пока она случайно не встретила папу! Это была любовь с первого взгляда!

– Да, их встреча была судьбоносной, но это не отменяет того факта, что ни к чему хорошему их это не привело. Не всякая судьбоносная встреча – к лучшему.

Они замолчали. Бабушка внешне выглядела спокойной, а вот Лили вся покраснела от едва сдерживаемого раздражения. Столько раз она говорила себе, что не будет отвечать бабушке на ее резкие суждения о семье, что достаточно просто проигнорировать, чтобы эта старуха замолчала, но нет! Она вновь полезла в драку! Теперь бабушка пожалуется маме – а уж та точно накажет дочку как следует.

– Вот увидишь, Лили-чан, – продолжала старуха после небольшой паузы, – этот брак долго не продержится. Я даже отсюда слышу, как он трещит по швам.

Она не права. Она не права. Она не права! Ну как можно судить об отношениях двух людей на расстоянии? Лили было глубоко наплевать на то, что бабушка считала себя осведомленной в их семейных делах (мама периодически созванивалась с ней, чтобы рассказать о последних новостях), и Лили считала, что ничто бабушке не дает права судить их. Она ведь совершенно ничего не знает! Даже если говорит, что знает.

– Да, бабушка, – покорно пробормотала Лили, опуская взгляд в пол. – Вы правы.

Ей стоило титанических усилий не продолжать спорить.

Хидео: старые тихие книги

– Вот дерьмо! – шепотом выругался Хидео и быстрым шагом пошел в библиотеку.

Там было тихо, как и всегда. Безмолвие и какая-то пустота, словно ничего, кроме мертвого дерева [книг] и гудящего звука [тишины], здесь больше нет. Одно это убивало в Хидео всякое присутствие духа. Он ведь был не из тех идиотов, которые часами просиживали в библиотеке, бесконечно листая и трогая старые пыльные книги. Ему вообще все это не нравилось, и пришел он только по просьбе учителя.

Хидео дернулся, когда прямо над его ухом невнятно пропела девушка:

– Чего-то хотели?

«Да, свалить отсюда», – чуть было не ляпнул он, но прикрыл рот рукой.

Вместо этого торопливо выдал:

– Я ищу книгу... История развития алхимии.

По лицу девушки стало ясно: он не первый, кто просит эту книгу. Она ничего не сказала, но Хидео почувствовал, что она поняла, кто именно попросил Хидео взять эту книгу. Ему хотелось разуверить ее, хотя разуверять было не в чем.

– О, идите прямо до четвертого стеллажа и сверните направо, – пропела девушка. – Там у нас различные книги по истории, эссе о династиях, есть пару книг об истории развития наук: географии, биологии, математики, современной химии и многое другое. Алхимия там тоже есть.

– Спасибо.

Мацумура нетвердо зашагал мимо книг, мельком рассматривая цвет корешков и охватывая взглядом надписи на них. Здесь были и новые экземпляры в симпатичных цветных обложках, но подавляющее большинство книг все же имело строгий черно-сизо-белый окрас. Сплошное однообразие.

Вот нужный стеллаж. Книги здесь были явно старые, потрепанные временем; на некоторых не было корешков и обложек. Складывалось ощущение, что если хотя бы мизинцем дотронуться до этих книг, то все они друг за другом, как цепочка из домино, тут же рассыплются и обратятся в пыль.

Хидео пошарил взглядом по лежащим книгам, но нужной до сих пор не нашел. Его пальцы, тонкие и короткие, быстро перебирали корешки, листали страницы, искали титульные листы, дабы увидеть заветное название.

Ему досаждало то обстоятельство, что он во время перерыва между уроками вместо того, чтобы говорить с Генджи, выполняет ненужное поручение учителя. Почему он сам не мог сходить за учебником, раз он так сильно был ему необходим?

За стеллажом, который стоял позади, Хидео услышал тихие шаги. Человек не шел – крался. Медленно, едва касаясь носками пола, человек приближался к стеллажу, за которым стоял Хидео. Наверное, кто-то тоже пришел сюда по поручению. Просто так в школьную библиотеку никто не ходит. Библиотека на то и библиотека, чтобы посылать в нее таких простачков, как Хидео.

Он продолжил перебирать стопки полуразрушенных книг, откидывая историю Японии и, в частности, «Двадцать четыре истории», из которых он знал только пару событий из записей о трех Царствах – это были все его отрывочные знания после изнурительных уроков Сузу-сэнсэя.

Школьная программа никогда особенно глубоко не изучала историю Японии, ссылаясь на то, что первое упоминание было в династийных историях, составленных людьми Китая. Хидео тоже особенно не вникал в суть истории, довольствуясь тем, что знал с рождения: в Йосино-гари находится великолепной красоты памятник жившей в период Троецарствия правительницы Японии – Химико. Будучи маленьким, Хидео приезжал с родителями в это поселение,

чтобы посетить памятник. Родители, помнил он, рассказали ему множество историй и легенд, связанных с правлением Химики, и все они, даже самые абсурдные, производили на Хидео неизгладимое впечатление. Но сильнее всего его поразил памятник – Химики, такая красивая и статная, стоит на пьедестале и рукой указывает в сторону, словно приказывает: иди! Иди и не оглядывайся!

Золото ее одежд по-прежнему видится Хидео во снах.

– Добрый день, человек с велосипедом, – произнес тот самый мелодичный голос по ту сторону стеллажа.

Этот голос чертовски похож на голос Лили. Хидео вздрогнул и обернулся в поисках источника звука. Он надеялся услышать Лили, но, к своему разочарованию, вспомнил, что уже слышал этот голос сегодня утром.

– Добрый, – кивнул он, разглядывая девушку сквозь полку.

Он, конечно же, ее не видел. Их разделяли стопки книг и деревянный пласт, стеной возвышающийся над ними.

– Неожиданно встретить тебя в библиотеке, не находишь? – она говорила язвительно, но все так же мягко и тихо, будто никакого оскорбительного смысла в свой вопрос не вкладывала.

– Да уж. Я тоже не ожидал встретить тут тебя.

И это была правда; Хидео всегда казалось, что эта библиотека – последнее место, куда приходят люди и, чтобы встретить здесь кого-то, да еще и своего одноклассника, нужно просидеть здесь несколько месяцев безвылазно, пока очередной учитель не пошлет очередного ученика за очередной книгой.

На пару секунд его обеспокоил вопрос, как же эта девушка его узнала через деревянный стеллаж, раз так легко с ним заговорила? Ее он узнал по голосу, но он ведь ничего не говорил, когда она подходила! Она что, видела, как он сюда зашел?

Может быть, она специально пришла за ним?

– Ты что-то ищешь? – спросила Хамада.

Ее голос с каждой сказанной репликой становился все мягче и мягче – Хидео не заметил, как ее вопрос, уже поглотивший его возмущение, заставил его тихо ответить:

– История развития алхимии. Учитель истории попросил меня взять ее. Но я понятия не имею, какая именно книга ему нужна.

– Тебе помочь? – послышался смешок.

– Нет.

Движение прекратилось. Хидео, погружившись в собственные мысли, вновь принялся отыскивать нужный ему учебник. Смотреть на голые книги – отвратительно, ужасно, мерзко. И у кого хватает ума отрывать обложки у книг? «Обложка не главное», – скажут они. Но что, если вам самим оторвать кожу и оставить вас в одних мышцах и сухожилиях? Неужели кожа – не главное в человеке?

Мацумура отогнал наваждение и все-таки дотронулся до первой попавшейся книги. Она шуршала и скатывалась в микроскопические комочки под его пальцами. Вот оно, то самое противное ощущение.

Он бережно взял томик в руки и повертел. Надпись частично стерлась с корешка, но что-то еще можно было разобрать.

Меэ

«Дневник снов».

«Что он здесь делает?» – удивился Хидео, пролистывая книгу.

У его мамы была такая. У нее вообще очень много подобных сонников, дневников сновидений, толкователей снов. Когда-то давно она очень восприимчиво относилась ко всяким

предсказаниям, гаданиям, толкованиям. Ее комната была пропитана ароматом ладана, сандала, мирры и прочего.

Он вспомнил, что регулярно видел ее за прочтением гороскопа и сонника Миллера.

«И что же интересного она находила в нем?» – задавался вопросом Хидео, мельком рассматривая исписанные страницы дневника.

Открыл первую попавшуюся страницу, прошелся по ней скептическим взглядом.

«Череп целовать – тоска по умершим».

Хидео нахмурился, прочел остальной ряд похожих слов и, не найдя там больше ничего привлекательного, положил книгу на место.

На пальцах все еще оставалось ощущение старости и зыбкости.

– Мне все-таки нужна помощь, – подал голос он. – Дело в том, что все эти книги – абсолютно на одно лицо. Нет никаких опознавательных знаков или надписей, по которым сразу бы стало понятно, что это за книга. Если я буду брать каждую в руки...

«Мои пальцы сгниют от старости», – хотел добавить он, но передумал.

– ... я не успею на урок.

– Я уже иду, – отозвалась Мичи.

Она что, все это время стояла по ту сторону стеллажа и ждала его ответа?

Мгновение, и она оказалась подле него. Ее цепкий взгляд пристально осматривал этих книжных «инвалидов», и она первым же делом легко вытащила Хидео нужную книгу.

Мичи торжественно вручила томик ему в ладони. Тактильно он отметил, что у нее очень нежные руки. А еще у книги все-таки был кусок обложки.

Это действительно была та книга!

Мацумура с удивлением стал вертеть том в руках, с ужасом отмечая про себя, как пристально Мичи смотрит на его реакцию. Будто боится пропустить малейшую деталь.

– Ты что же, работаешь в этой библиотеке, раз вот так с ходу все находишь? – удивленно спросил Хидео, пролистывая книгу.

– Нет. Просто учитель по истории частенько посылает меня за книгами по истории. А они все здесь, – она указала на стеллаж, перед которым они стояли.

С виду книги были на одно лицо, но при внимательном осмотре можно было заметить, что в коллекции собрана самая разношерстная литература. От Араи Хакусэки до Фукудзавы Юкити, от восемнадцатого века до настоящего времени.

Большинство литературы было об истории Японии, но попадались и очень интересные экземпляры. Например, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня – этот роман Хидео считал сложным, почти нечитаемым текстом, напоминающим откровенный бред.

Он его не читал, просто видел отрывки, из которых мало что не понял. Намного более понятными были романы Харуки Мураками – пожалуй, это единственный автор, которого Хидео мог выносить. Прочитав несколько лет назад знаменитый «Норвежский лес», Хидео остался под глубоким впечатлением. Лишь теперь при воспоминании о книге Хидео снова чувствовал смутные облака тумана вокруг себя, предвкушение постепенной сладости, иногда на него нападала дрема – почему бы и нет? – но в итоге он вновь просыпался и вновь бродил по туманному норвежскому лесу.

Понравилась ему эта книга, в общем. А вот «Исповедь маски» Мисимы не впечатлила – Хидео захлопнул книгу с мыслью, что больше никогда ее не откроет, и отложил в сторону до лучших времен.

– Спасибо тебе, – искренне поблагодарил девушку Хидео.

Она улыбнулась, и улыбка ее впервые придала лицу милое очарование. Хамада собралась уходить и немного помедлила, проходя возле него, но Мацумура мгновенно схватил ее за руку, выпалив:

– Постой. Почему ты здесь?

– Пришла по глупому поручению. Как и ты.

От удивления он выронил ее руку и засмутился.

– Мне пора, – спокойно сказала она, мягко высвобождая ладонь из его хватки. – Еще увидимся, Хидео.

– Пока, – ответил он, не смея поднять взгляд.

Он так долго и напряженно смотрел ей вслед, что не сразу заметил, что она назвала его по имени.

Растерялся, точно маленькая, глупая девчонка. И что она нашла в нем? Какой потайной карман его души ее тронул? Почему она увязалась за ним, как собачка? Или она готова идти за кем угодно? И все же, несмотря на то, что она пытается хоть как-то улыбаться, у нее не выходит это сделать по-настоящему, искренне. Почему?

В ней как будто поселился огонек, который то вспыхивает, то угасает. Можно предположить, что этот огонь скоро совсем потухнет и остынет в золе. И совсем не ясно, почему он все еще не погас... Она ли поддерживает этот огонь?

Мичи похожа на маленький, бушующий в море маятник. Показывает путь блуждающим и терпящим бедствие кораблям, но сама уже много-много лет страдает от бесконечного блуждания во тьме. Она сама блуждает как огонек – и не находит выхода.

Генджи: пропавший мальчик

– А, вот вы где, – отозвался Токутаро-сэнсэй. – А я вас везде ищу.

Генджи почтительно кивнул учителю и прошел за ним в кабинет. У них сегодня не было уроков химии, поэтому Генджи даже предположить не мог того, что Токутаро-сэнсэй позывает его к себе. Видимо, у него было какое-то срочное дело.

В кабинете пахло горелым; вероятно, на прошлом уроке учитель проводил какие-то опыты с огнем. Хотел бы Генджи на это посмотреть – когда он был помладше, опыты сэнсэя производили на него неизгладимое впечатление. Было такое чувство, как будто учитель – великий фокусник, который может окрасить жидкость в любой цвет, заставить ее забурлить или задымиться. Сейчас особых восторгов демонстрируемые опыты не вызывали – теперь, когда Генджи знает о множестве производимых реакций, он может легко предугадать исход любого опыта.

Учитель молчал, он даже не смотрел на Генджи, лишь медленно перебирал бумаги на столе, да открывал ящики, в которых бумаги было еще больше.

– Вы чего-то хотели, сэнсэй? – спросил Генджи, не выдержав.

Он еще планировал пообедать с Мацумурой, но, судя по всему, учитель решил занять его на весь перерыв. В какой-то момент Генджи самому нестерпимо захотелось помочь ему отыскать ту самую бумажку, ради которой он его позвал.

– Да, – пробормотал Токутаро задумчиво, – незадача. Потерял объявление о конкурсе. Ничего, если я пришлю его вам на почту?

– Какое объявление? Какой конкурс?

У Генджи неприятно похолодело в желудке. Его время совершенно не рассчитано на дополнительную работу по химии, однако возразить он не мог – лицо сэнсэя говорило о непоколебимости решения. Даже если бы Генджи и вступил в перепалку, ему не удалось бы отвертеться.

– Я хотел предложить вам с вашей одноклассницей написать работу в соавторстве на конкурс. Вы мои лучшие ученики, и такое я могу доверить только вам одним.

– Отказаться, я так понимаю, не выйдет? – спросил Генджи серьезно.

– От этого конкурса зависит престиж нашей школы, – заметил Токутаро-сэнсэй. – Вы, конечно, можете отказаться, но вряд ли вам придется это по душе. Ваша одноклассница, к тому же, уже согласилась.

Генджи лихорадочно соображал. Он-то надеялся все свободное время посвятить искоренению преступности, в частности поимке маньяка, но теперь об этом можно было забыть – работа на конкурс вытянет из него не только все силы, но и душу.

– И с кем я ее буду писать? – без особого интереса спросил Генджи, складывая руки на груди.

В такие моменты он жалел о том, что хорошо учится. На отличников возлагают слишком большие надежды, но они этого не стоят. Это взаимное мучение.

– Лили Рокэ.

Учитель продолжал рыться в бумагах. Генджи, наблюдавший за ним, нахмурился. Рокэ-сан? Серьезно? А он мог найти ему соавтора еще глупее? Станный выбор для человека, который надеется повысить престиж школы за счет этого конкурса. Он, кажется, сказал, что она тоже «лучший ученик»?..

Генджи едва сдержался, чтобы не расхохотаться – ему ни разу не доводилось видеть, что Рокэ делает какие-то успехи в учебной деятельности. Она, конечно,мышсленая, подхватывает на лету, но ее часто не бывает в школе, а еще она настоящая истеричка! Да такие, как Лили,

обычно ничего существенного не делают в жизни, они лишь бездумно потребляют то, что придумали за них другие.

Скорее всего, Рокэ сядет ему на шею и свалит всю важную работу на него. А рядом подпишет свое имя.

Такое дурацкое имя!

– Вы уверены, что стоит доверять такой важный проект Рокэ-сан? – рискнул спросить Генджи. – Она довольно редко появляется в школе...

Губы учителя тронула ехидная улыбка.

– Не переживайте, – сказал он, – она станет ходить, как только поймет, какой шанс ей выпал.

Генджи не поверил – он хоть и мало знал Рокэ, однако помнил, что один такой совместный проект уже был загублен по ее вине. Тогда она была в паре не с ним, а с другим парнем, тоже очень умным... Как же его звали?

Генджи из спортивного интереса соревновался с этим парнем за звание лучшего ученика, вот только, парня давно уже никто не видел...

– А Мамору? – вдруг выпалил Генджи и сам же смутился резкого тона. – Мамору Горо, мальчик из параллельного класса? Почему бы не взять его в соавторы?

Токутаро-сэнсэй, не перестававший все это время искать злополучное объявление, внезапно вскинул голову и вонзил острый, пробирающий до костей взгляд в Генджи. Тот невольно отпрянул, взбодороженный таким резким движением.

– Мамору Горо? – задумчиво эхом отозвался учитель, как будто прокручивал в уме всех, кто мог бы носить это имя. – Его уже давно нет.

– Нет? – ужаснулся Генджи.

На секунду у него оборвалось все внутри – неужели тот мальчик, которого Генджи практически ненавидел из-за успехов в учебе, умер? И почему он ничего об этом не знал?

Взгляд старика продолжал сверлить в нем дыру.

– Нет, – повторил Токутаро. – Он перевелся в школу Оги.

У Генджи отлегло от сердца – значит, Мамору теперь учится в соседнем городе. Это хорошо, ведь теперь он не будет докучать Генджи своим занудством. Уж в этом-то Генджи теперь занимает первое место!

– И... как давно?

– Около трех месяцев назад. Я не знаю подробностей, уж извините.

Токутаро бросил поиск бумаги, вместо этого он теперь всю пялился на Генджи, пытаясь вычислить, что тот обо всем этом думает. А Генджи думал о многом – мысли о Мамору вытеснили его раздражение, вызванное конкурсным проектом и глупой напарницей. В голове не укладывалось, как он мог не замечать отсутствие своего главного конкурента и врага на протяжении трех месяцев?! Наверняка одноклассники Горо устраивали ему что-то вроде проводов – и неужели Генджи даже краем уха не слышал о вечеринке в честь Мамору?

Эта новость подкосила его, а радость, которую Генджи должен был ощущать от внезапного устранения соперника, отошла куда-то на второй план. Ему необходимо было во всем разобраться.

Надо же, и ведь Генджи даже не вспоминал о Мамору все это время! За последний год Мамору никак не проявлял себя в интеллектуальном плане, и Генджи забыл о нем, как о проблеме, которая рассосалась сама собой. И теперь, когда он был ему так нужен, Генджи узнает, что он переехал! Да не куда-нибудь – в соседний город! Такому хотелось сбежать отсюда.

Как будто его что-то тревожило.

– Вот что, – сказал сэнсэй, прерывая цепочку лихорадочных мыслей Генджи, – приходите завтра, мы обсудим с вами детали проекта и тему. Я хочу, чтобы вы подумали над суперкислотами – возможно, из этой темы удастся что-нибудь выжать. Хорошего дня!

Генджи рассеянно поблагодарил Токутаро-сэнсэя и вышел, растерянный и ошеломленный.

Не было и речи о том, чтобы идти на обед к Мацумуре – сейчас Генджи занимало лишь одно: нужно было срочно найти кого-то, кто хорошо общался с Мамору.

Генджи помнил, что у Горо был друг, причем очень близкий – они всегда ходили вместе, всегда шутили друг над другом и поддерживали в трудные минуты. Об этой дружбе ходило много толков – неужели они никогда не ссорятся? Неужели не устают от общества друг друга?

Араи Рио нашелся почти тут же – сидя в коридоре на подоконнике, он премило общался с девушкой, имя которой Генджи вспомнить не мог. Она была из другого класса, и все, что он о ней знал, могло уместиться на обрывке листа размером с ладонь. Она хорошо поет, часто выступает на творческих вечерах и участвует во всевозможных конкурсах; пристально следит за фигурой, не позволяя формам быть пышнее нужного; она стабильно стрижется, из-за чего кажется, что ее черные прямые до плеч волосы никогда не растут. В профайле Генджи было что-то еще, но сейчас он не мог вспомнить, что именно.

Да это и не важно было.

– Араи-сан!

Названный обернулся, скользнув ленивым взглядом по лицу Генджи. Было видно, что парень его узнал, вот только попытался притвориться, что понятия не имеет, кто перед ним.

– Мы знакомы? – отозвался Араи, чуть сощурившись.

– Да! То есть, лично – нет, но ты точно меня знаешь.

– Знаю? – брови собеседника наигранно поползли вверх. – Нет, ты ошибся.

– Полтора года назад я сделал твоего дружка в шахматы! Не прикидывайся, Араи!

При упоминании «дружка» Рио вмиг посерьезнел. Он бросил взгляд на стоящую рядом девушку, и она, будто приняв его безмолвный приказ, молча развернулась и ушла дальше по коридору. Генджи даже не взглянул ей вслед – все его внимание поглотил Рио.

– И зачем я понадобился самому Генджи? – спросил он нахально. – Хочешь и меня прилюдно унижить, как делал это с...

Вдруг Рио осекся, взглянув на Генджи снизу вверх. Напряжение между ними ощущалось все существеннее.

– ...Мамору, – дополнил Генджи, хмурясь. – Меня интересует Мамору.

– А меня интересует, чтобы ты сходил к черту!

Генджи приблизился, нависая над Араи – тот задрал голову, по-прежнему с вызовом глядя на собеседника. Да, такого раскусить будет непросто, хотя бы потому, что они никогда не ладили.

– Мне нужен Мамору, – отчеканил Генджи, в его тоне слышалась явственная угроза.

– Его нет, – ответил Араи. – Уже давно нет.

– Он переехал в Оги?

– Так сказали его родители.

– То есть? Мамору не говорил тебе, что переезжает?

– Послушай, детектив, – Араи вздохнул, складывая руки на груди, – не лезь еще и в это.

Хватит с нас того, что ты нос выше потолка задираешь.

– И ты не знал, что он переезжает? – Генджи продолжал гнуть свою линию.

– Я тебе не скажу.

– Значит, ты не знал. Ты обижаешься на него за это? Почему Мамору так внезапно уехал?

– Да что ты к нему прицепился?! Тебе что, существование Мамору покоя не дает? Он уехал, чтобы с твоей рожей больше не встречаться!

Генджи вдруг с размаху ударил ладонью по подоконнику. Араи никак не отреагировал, однако спеси поубавил.

– Хватит юлить! – зашипел Генджи. – Почему я только сегодня узнаю от учителя химии о том, что этот мелкий трус сбежал от меня в другой город?

– Глупый вопрос, детектив, – усмехнулся Араи. – Ты же ничего дальше своего носа не видишь.

– А тебе, смотрю, мой нос покоя не дает. Ответь по-нормальному, без обиняков – ты знаешь, что с Мамору? Вы поддерживаете связь? Поверь, я не собираюсь портить ему жизнь. Просто хочу убедиться, что с ним все в порядке.

– А зачем? – спросил Рио сдавленно. – Зачем тебе знать, в порядке ли он? Вы же как две голодные псыны, вечно дрались за кусок мяса. Ну так радуйся! Кусок твой!

– Что случилось с Мамору?

– О, Господи, Генджи! – крикнул Араи, хватаясь за голову. – Я не знаю, понятно тебе? Я не знаю! Он мне не сказал, что уезжает. Он никому ничего не сказал! Мы две недели думали, что он болеет, так сказала его мать, потом через месяц я узнаю от учителей, что Мамору переехал в Оги. Это все! Я знаю не больше тебя. Теперь оставишь меня в покое, идиот ты несчастный?

Рио был на грани истерики. Быть может, Генджи перестарался, когда стал так сильно напирать на Араи-сана. Возможно, стоило бы остановиться и оставить все так, как было.

Но тогда Генджи не узнал бы от этого плута ничего, что успокоило бы его. А теперь все стало еще запутаннее!

– И вы не поддерживаете связь? – спросил Генджи холодно. – Ты что, даже не пытался ему позвонить или написать?

– Ты меня совсем за дурака держишь? Я пытался! Но Мамору сменил номер и в соцсети больше не заходит. Я не знаю, появится ли он вообще когда-нибудь!

– Не может быть такого, что он тебя не предупредил, – пробормотал Генджи. – Вы же не разлей вода были.

– Были, – вымученно отозвался Рио. – Да сплыли.

Больше Генджи ему не докучал. Его немного тяготило то, что для выяснения информации пришлось довести человека до истерики, но игра стоила свеч – теперь Генджи окончательно убедился в том, что Мамору не просто переехал.

Он исчез.

Хидео: поцелуй скорбящего к умершим

Хидео отдал книгу учителю, тот его скромно поблагодарил и пошел на обед в школьный сад, надеясь, что его никто не заметит среди одноклассников. Надеялся зря: неподалеку от того места, где он обычно любил коротать время за порцией риса или рыбы, сидела девушка, точнее, сидела та самая Мичи. Хидео был несколько разочарован сложившимися обстоятельствами. Какой бы милой она ни была, все в ней казалось ему подозрительным.

Он медленно, будто оттягивая момент, подошел к ней, а она сразу же подняла голову и испуганно затараторила:

– Ой, прости, я не думала, что ты здесь обедаешь, просто самой очень хотелось поесть, а места не было.

Она, продолжая виновато и пугливо разглядывать Хидео, с пискom выдавила:

– Я не специально.

Хидео ухмыльнулся и сел с ней рядом.

– Я это уже понял.

Он ждал Генджи, но того и след простыл – он выбежал из класса, чтобы зайти в туалет, но потом ушел и оттуда, а вот куда направился, Хидео так и не выяснил. Из него плохой детектив, в отличие от Генджи – уж он-то давно бы все узнал о других!

За сегодняшний день они почти не разговаривали; Хидео бегал по поручениям учителя, то и дело натываясь на Хамаду, которая по пятам за ним ходила – это уже походило на неприятную закономерность.

Они сидели вдвоем и ели дзюкубэн, но вид у обоих был какой-то отчужденный. Мичи покусывала губы и мяла палочки в руках, пытаясь каким-то неведомым ей образом заставить руки перестать дрожать. Хидео тоже от этого соседства было не по себе, но он упрямо твердил про себя, что совершенно не сконфужен и ему просто непривычно сидеть с такой красивой девушкой.

– Сегодня милый выдался денек, – сказала она, заставив Хидео вздрогнуть.

Нет, это было слишком непривычно. Из ряда вон!

Хидео неопределенно кивнул и уставился куда-то мимо нее, не зная, что ответить. Ему хотелось, чтобы она ушла, чтобы не докучала своим голосом, своим лицом, самой собой, но сказать ей он этого не мог. Он стеснялся.

– Ох уж эти постоянные уроки, – начала она более уверенно, – я никогда ничего не успеваю, и это меня угнетает. Ты как, Хидео, в учебе?

Она явно пыталась нащупать точки соприкосновения, и от нелепости этих попыток Мацумуру скривил лицо. Он удивился сразу по двум причинам: девушка впервые спрашивала его о нелепе с таким интересом, и она вновь обратилась к нему по имени. Неужели она со всеми так странно общается?

Он уткнулся в свой обед и тихо ответил:

– А... я хорошо в учебе.

Ответ был еще глупее вопроса.

Хамада как будто не заметила своей ошибки.

Ее лицо стало непроницаемым, она отвернулась от Хидео, вновь стала нейтрально, без эмоций смотреть прямо перед собой. В такие моменты она становилась еще более ужасающей. Мацумура проследил за ее взглядом: напротив них раскинулся роскошный куст сиреневых флоксов, которые пока еще не распустились. Эта часть сада была обильно засажена цветами, и в душе Хидео расцветало ни с чем не сравнимое удовлетворение, когда он смотрел на эти цветы – это был его островок безопасности, здесь он чувствовал, что жизнь идет своим чередом и не

стоит на месте. Рядом с сонными флоксами начали распускаться розовые пионы – удушливый Баррингтон Белл и прекрасный Гей Пари.

Учитель по литературе не раз ссылался на сорт японских пионов, потому что помимо пряного аромата и красивой расцветки эти цветы были артефактом истории, следом в камне, своеобразной исторической ценностью, которую нужно беречь и охранять. Наверное именно поэтому сорт такой дорогой и тщательно охраняемый.

Хидео помнил, как вся школа сажала эти цветы. Каждому хотелось внести свой вклад в общественную работу, а потому каждый стремился посадить как можно больше семян. Их тогда подарили школе в качестве пожертвования – теперь Баррингтон Белл являлся символом школы Сага. Если эти пионы и творили какую-то историю, то явно вот эту.

Правда, сейчас от них не было никакого толка.

Они хоть и успокаивали Хидео, однако в последнее время не приносили в его жизнь ничего нового и существенного. От их аромата – душного, сладкого, сильного – уже подташнивало.

И почему он до сих пор приходит сюда? Зачем по-прежнему смотрит на эти разноцветные кусты? Почему они раньше дарили ему спокойствие? И почему сейчас их цветение с такой болью отзывается в сердце?..

Цветы, цветы, цветы. Кругом сплошные цветы! Их запах тошнотворный и удушливый, и если раньше это было приятно, то сейчас вводило в беспамятство. От пионов теперь кружится голова, а флоксы так вообще с ума сводят, будто бы туда всыпали порцию яда.

Если бы люди могли убивать красиво, они бы делали это цветами.

А еще сама Мичи. В этом ворохе цветных пятен она слишком бледна и невзрачна. Бесцветная кукла, внутри которой, вероятно, не бьется сердце. Не чувствует, не дрожит, не дышит. Вероятно, его там нет вообще. Но еще вероятнее, оно мертво.

В этот момент она показалась ему настолько отвратительной, что он готов был задушить ее маленькое горло собственными руками, а затем с упоением слушать хрипы из ее раздавленной гортани, сопровождаемые кряхтением и конвульсиями.

Ее сердце пепел, пыль. И плоть. Мертвая.

Хидео помотал головой, отгоняя наваждение. Да, девчонка ему сразу не понравилась. Какая-то она фальшивая (и это не только потому, что у нее ненатуральный цвет волос). Но, несмотря на свое к ней отвращение, Хидео не собирался никуда отсюда уходить, а тем более – душить ее. Пока что.

– Знаешь, – вдруг проговорила она сдавленно, чувствуя, что нужно что-то сказать, – я всегда сидела здесь и рассматривала людей, которые ходили мимо туда-сюда – все такие разные, уникальные, неповторимые. И все же никто не привлекал меня так сильно, как ты. Я... я, правда, больше не хотела сюда приходить после того дня, когда ты пришел обедать первым. Но все-таки так не может продолжаться вечно, Мацумура-кун. Я хочу с тобой дружить, а не шарахаться от твоего появления и не подбирать слова с хирургической точностью, боясь обидеть или задеть тебя. Хочу свободы.

Она говорила спокойно, будто уже наизусть выучила эти слова.

Мичи вдруг резко подняла взгляд и метнула его в Хидео. Тот вздрогнул от неожиданности, но в последний момент выстоял и скрыл испуг, в глубине души сетуя на себя за то, что вот уже второй раз дергается в присутствии девчонки.

– Я... я польщен. Да, именно так, – проговорил он, пряча взгляд.

Все, на что его хватило.

Она просила свободы. Так иди: резвись, валяйся в траве, купайся в цветах, говори все, что тебе захочется, но, пожалуйста, оставь его в покое. Хидео пытался не смотреть на нее. Пугающее ощущение больно жгло кожу, въедаясь внутрь подобно червю, который зарывается

в землю. Словно она... прятала свой взгляд – острый, пронизательный, серьезный – внутри Хидео.

Ему прямо сейчас хотелось сбежать. Испариться. Исчезнуть. Лопнуть, как мыльный пузырь. Чтобы больше ничего, кроме крохотной частицы, не осталось. Стать воздухом. Стать землей. Да даже ее рисом, который она так жадно ест.

О чем он сейчас думает, черт возьми?

Это все цветы, их дурманыщий сознание запах. Больше он тут обедать не будет.

Хидео продолжал молчать, боясь затронуть тему со свободой и прочей ерундой, о которой она говорила. Ему не хотелось смущать ее, ведь он прекрасно понимал: любое слово о том, что она сказала, сильно ее смутит.

Впрочем, она и не ждала ответа. Она знала, что его не последует.

Да и что бы он в такой ситуации ответил?

– Ну, я поела. Спасибо тебе за весело проведенное с тобой время, – она кивнула головой и не слишком низко поклонилась, будто очень спешила и издевалась над ним одновременно. – До встречи.

Он резко встал, тоже наспех поклонился и сказал:

– И-извини за такую реакцию... Ты всегда так обескураживаешь меня, что я просто не знаю, как реагировать.

Ответом ему послужила слабая улыбка, чуть тронувшая ее розовые губы.

Когда уроки закончились, Хидео поплелся домой, мрачно везя велосипед рядом. У его верного спутника лопнула шина и выкрутился руль. Он попробует починить это самостоятельно, но ему явно потребуется помощь отца, который сейчас в командировке. Ну, пару недель без велосипеда Хидео как-нибудь проживет.

По пути домой он вновь встретил Лили, она двигалась со скоростью света в противоположную от него сторону, в ее руках был телефон. Найти сил, чтобы поздороваться, он не смог. Какая ей вообще разница, какой по счету из ее поклонников с ней поздоровается? Всем она (особенно, когда чем-то отвлечена или занята) отвечает скромное и тихое: «Привет». На этом беседа, как правило, заканчивается, даже не успев начаться.

Про себя Хидео отметил, что за то время, пока он был в школе, Лили успела вернуться домой, и теперь вновь куда-то шла. Какие могут быть дела у самой красивой девочки в его классе?

С тяжестью на сердце Хидео признал: мальчики. Уж кому-кому, а Лили точно не до него. Она слишком красива, чтобы обращать внимание на Хидео.

Придя домой, он первым же делом уставился в свой сотовый.

Ноль сообщений. Ноль звонков. Ноль писем. Все, как обычно.

Только после этого он встал и переоделся. Задел ногой книгу и чуть не повалился на стол; потом вляпался в какую-то странную жидкость, разлитую на столе; запутался в собственной футболке! И все ради того, чтобы просто добрести до шкафа. «Здесь надо убраться», – мрачно подумал он и стал собирать книги. Вечер все равно пройдет впустую, так почему бы сегодня не разгрести этот хлам?

И хоть книги его были все в пыли и выглядели осиротевшими, они не были похожи на тех инвалидов в школе. Книги его и только его. Здесь не было истории развития наук или рассвете в Японии. Исключительно фантастика, философия и драматургия.

Иногда попадались цветные томики ранобэ, моногатары, мобильной литературы. Последнее Хидео читал крайне редко и только в моменты скуки, когда не хочется ничего.

Книги его всегда были раскиданы по комнате, спрятаны в различных углах, под кроватью, на столе, за тумбой, в шкафу – в общем, везде, где только можно оставить книги.

Хидео охотно коллекционировал мангу. Это была единственная литература, которую он мог читать днями напролет. Для манги на его немногочисленных полках находилось пару-тройку ячеек, где одна к одной стояли похожие друг на друга глянцевые томики.

Зажав стопку книг в руках, Хидео обратил внимание на свою коллекцию. Место на полках стремительно заканчивалось, а желание покупать еще все равно было – вряд ли это желание когда-нибудь исчезнет. Манга захватывала Хидео моментально, ему хватало одной главы для того, чтобы влюбиться в рисовку, в стиль повествования, в героев. Однажды он читал весь день и всю ночь, не прерываясь на сон и еду, пока не закончил читать – выдуманный мир захватил его целиком, без остатка.

Глядя на красивые полки, он вспоминал и неприятную сторону своего коллекционирования: мать. Она относилась к манге негативно, хотя и позволяла Хидео покупать ее. Одна серия почему-то особенно ее бесила – натываясь на книги, мама грозно отчитывала Хидео за беспорядок, потом проходила по его вкусам, критикуя их и не одобряя. Это вылилось в трагедию.

Он вспомнил, как его мать сожгла двадцать три драгоценных тома его любимой серии. Сгребла книги в кучу и оттащила за дом, где облила их бензином, чтобы потом поджечь. Хидео тогда только-только пришел со школы.

Это было отвратительное зрелище.

Дома он не обнаружил ни своей манги, ни матери, а потом, взглянув в окно, заметил, как дгорают остатки его книг.

Он помнил только этот момент, но помнил так отчетливо, что каждый раз сердце схватывал спазм, мутнел рассудок, а глаза застилала пелена слез.

Он помнил, что потом матери пришлось вызывать скорую, а весь следующий год она проходила терапию и постоянно обследовалась. Да, это точно было психическое расстройство, его мать страдала от obsessions – синдрома навязчивых мыслей, которые она иногда пыталась игнорировать. И вот во что это вылилось. До сих пор мысли об этом эпизоде причиняли боль. В сердце навечно поселился страх за свою и за ее жизнь.

После книжек он принялся собирать остальной мусор: пакеты, банки, тарелки, кружки и бумажки. Все это валялось в его комнате по меньшей мере месяц, и он до сих пор не удосужился выбросить этот хлам.

Телефон запищал, да еще так противно, что Хидео поежился: он понятия не имел, что его телефон может издавать такие звуки. В Микси пришло сообщение. Генджи спросил, как поживает велосипед Хидео. Ну, неплохо поживает. Придется чинить, а чтобы это сделать, нужно дождаться выходных. Следом пришло еще одно сообщение:

«Ради Бога прости. Я, правда, не хотела говорить эту чушь тогда, когда мы сидели в цветах. Мичи».

Вот тут Хидео насторожился. Откуда эта девица знает его номер? И, что еще интереснее – почему она решила начать с ним знакомство именно сейчас? Какие на это были причины?

Она хотела, чтобы он обратил на нее внимание, но стоило ли так стараться ради этого?

Она следит за ним. Это осознание мгновенно перекрыло воздух в груди. Заболела грудная клетка. И все завертелось колесом перед глазами.

«Я слишком чувствителен», – одернул себя Хидео и помотал головой. Как бы сильно ни билось сердце, нужно было оставаться с холодной головой и чистым разумом.

«Откуда ты знаешь мой номер?» – решил спросить он. Ответ шел как-то медленно.

«Мне его дал твой знакомый».

Какой еще знакомый? Этот номер могли дать только трое из друзей Хидео – Генджи, Роуко и Мио.

С Роукой Хидео учился в младшей школе – они были настоящими братьями, веселыми и обаятельными в своей юношеской непосредственности. Однако при поступлении в среднюю школу их пути разошлись: Роуко переехал в Кандзаки, там поступил в среднюю школу, и весе-

лым совместным проделкам пришел конец. Конечно, общаются они даже сейчас, но редко, а встречаются только по праздникам, раз за разом вспоминая былые школьные деньки, когда можно было беззаботно играть и веселиться.

Мио была принципиально другой. Будучи всегда серьезной, она казалась намного старше своих лет, хотя ни одного из ее друзей это не смущало. Она умела легко переключаться, без усилий могла поддержать любую беседу, в общем, была настоящим эрудитом. Ей бы очень понравилось с Генджи – тот тоже никогда не лезет за словом в карман и всегда знает ответ на заданный вопрос. Они познакомились, когда Мио было десять лет, а Хидео – тринадцать. В отличие от Роуко Мио никуда не переезжала из города Сага, а поступила в другую среднюю школу. Хидео все еще не оставляла мысль познакомить Мио с Генджи.

«Кто он?» – спросил Хидео.

«Микси» вдруг вылетел, обнажив главный экран мобильного. Хидео несколько секунд тупо рассматривал иконку приложения, а в голове была абсолютная пустота и какой-то страх, рождающийся изнутри.

Зашел снова, в панике раскрыл переписку и замер.

«Спроси у него сам».

«Значит, это Генджи», – решил Хидео и, отложив телефон в сторону, продолжил убираться.

Ближе к вечеру сон все-таки сморил его и он, ложась на кровать, уснул. Уснул прямо так, не раздеваясь.

Ему снилось ослепительное небо – лазурь над головой сияла и переливалась, точно гладь воды. Хидео никогда не видел ничего подобного – даже вообразить такое было сложно.

В его руках был волк. Он держал его голову крепко, будто бы это последнее, за что можно было бы ухватиться в этом вязко-тягучем пространстве. С животного кусками слетало мясо, оно буквально отваливалось, падая на колени и землю. Приземляясь, шкура и окровавленные куски вспыхивали золотым огнем и превращались в пепел.

Они все падали и падали, горя красивым пламенем, пока в руках Хидео не осталась голая гладкая кость – волчий череп.

Хидео сам не понимал, что делает, все словно происходило без его участия. Руки сами поднесли массивный кусок кости к губам, и он поцеловал труп волка, его молочно-белый, старый череп.

«Поцелуй скорбящего к умершим».

День II. Коллекция душ

Хидео: увлечение черепами

Утро не принесло облегчения: ошметки кошмара – полузабытого, маячащего где-то на периферии сознания – прочно засели в голове, порождая тревогу и страх. Он забыл сон, забыл его сюжет, однако неотступная мысль, как призрак, следовала за ним повсюду. Хидео никак не мог эту мысль сформулировать. Она казалась ему... странной. Почти неосязаемой, зыбкой в своей дисгармонии.

Он вновь не стал завтракать, с тупой болью в желудке отмечая про себя, что так его разум становится острее – быть может, тогда он и соображать лучше начнет. Если, конечно, не умрет от голода.

Неспешно Хидео оделся – хотя времени и было предостаточно, он не испытывал никакой радости от того, что удалось проснуться раньше будильника. Все время давило ощущение, что на этот день полагаться не стоит, как будто бы этот день – начало большой системы, где Хидео запутался, точно попал в липкую паутину.

Мама еще спала, и, чтобы ее не будить, Хидео тихонько выскользнул на улицу, стараясь не шуметь. На улице дышалось свободно и легко, и даже те мысли, что тяжестью придавливали Хидео к земле, вдруг куда-то улетучились, оставляя после себя лишь призрак былых ощущений.

Хидео шел, пиная камни и лихорадочно думая о том, как связано его сегодняшнее настроение с тем, что случилось вчера. Ему снился сон – его привкус Хидео ощущал на языке даже сейчас (отдавало горечью и еще чем-то неприятным). Но что такого ему могло присниться, что он так... всполошился?

Он попытался заглянуть внутрь себя, но ничего существенного так и не подцепил – лишь странное наваждение, порожденное глубинами воспаленного сознания, плотной паутиной окружало его мысли. Хидео где-то читал, что сон забывается через пару минут после пробуждения, и для того, чтобы его запомнить, нужно как можно скорее записать его. Сны помогают трактовать состояние, находить общие черты в сновидениях и структурировать их. Наверное, это очень интересно – перечитывать свои записи после многих лет фиксирования сновидений. Хидео никогда этим не занимался, но хотел бы попробовать.

Сегодняшний забытый сон, окунувший Хидео в такое тревожное состояние, стал точкой невозврата – теперь-то он будет записывать сновидения, чтобы лучше разбираться в причинах своего настроения.

Он уже давно не ощущал такого количества мыслей в своей голове. Несмотря на смутную тревогу, все казалось ему удивительным: и прекрасная, живописная архитектура Сага, его родного города, который он всегда считал маленьким и незаметным на фоне других городов; и роскошные сады, растущие на каждом клочке земли, не занятой трассой или тротуаром; и машины с утренними пробками; и даже пешеходы, спешащие по своим делам, точно муравьи – едва ли кто-то в такой спешке задумывается о том, как быстро, хаотично, однообразно движется жизнь, воссоздавая лишь мнимый порядок Вселенной.

Взглядом Мацумура выискивал Лили или Генджи, желая прямо сейчас хоть с кем-нибудь заговорить. Даже с ней. Даже в неподходящее время. Он готов побороть свой страх перед ее лицом и свою природную застенчивость. Но, как назло, никто так и не появился по дороге – ни впереди, ни сзади. Лишь незнакомые люди, очень много незнакомых людей, спешащих на работу или учебу. Что случилось, если бы кто-то среди них оказался его родственником, пусть и очень-очень дальним? Или если бы среди всех этих людей нашелся бы кто-то, кто чувствует

себя, как Хидео, запертым в янтарной смоле? Образец, застывшая в полете фигура, тот, на кого все пристально смотрят.

Он шел, угрюмо пиная камни, которые попадались на пути, и бросал усталые взгляды на хмурое небо. Вчера оно было ярче.

Ярче?

Тут он вспомнил небо из сна. Его передернуло под действием этого страшного воспоминания – впечатления были такие яркие, что Хидео как будто сжевало чудище, которого потом вывернуло наизнанку. На миг у Мацумуры закружилась голова. Он даже остановился, призывая каждую клетку организма занять свое законное место и не рваться куда-то вперед.

Хидео стал мучительно вспоминать, что произошло ночью, какой сон он видел, как его растолковать. Но в голове не было никакого просветления, лишь слабый проблеск идеально голубого неба. И все.

«Сейчас бы пригодился мамин сонник», – с досадой подумал он.

Но раз небо голубое и ясное, значит, ничего плохого это сновидение принести не должно. Разве может быть плохим чистое, голубое небо? Ему и до этого часто грезились небеса – прозрачные, серые, точно налитые свинцом, закрывающие солнечный диск мягкой пуховой подушкой – в общем, бывало всякое. Но небо такой чистоты он видел впервые.

Но если лазурное небо не сулит бед, отчего же ему тогда так страшно?

В школу Хидео зашел в напряжении. Все ему теперь казалось подозрительным и странным – он не отдавал себе отчета в том, что недобро косится на одноклассников и учителей, его мало заботило то, как он выглядит сейчас со стороны. Лазурь плотно стояла перед его внутренним взором и никак не желала рассеиваться.

– Ты в порядке? – спросил с легким беспокойством Генджи.

Самый банальный вопрос, который можно задать в этой ситуации. Но самый правильный. Как он может быть в порядке?

Хидео поднял на друга мутноватый взгляд, в мгновение ока прояснившийся. Хидео по-новому взглянул на Генджи – он и раньше знал обо всех особенностях его внешности, но никогда не отмечал их, не выделял по достоинству. Генджи давно не стригся, позволяя смоляно-черным волосам касаться острых косточек на плечах. В школе Генджи старательно убирал волосы в аккуратный пучок – так, если смотреть на него прямо, волос вовсе не было видно. В этом смысле его друг соблюдал крайнюю щепетильность. Весеннее солнце проявило на носу и щеках крохотные, полупрозрачные веснушки, которых Генджи, судя по всему, стеснялся – никогда еще он не позволял кому-либо говорить о своем лице больше трех реплик (включая и его собственные реплики, ограничивающиеся фразами «да» или «нет»). В темно-синих глазах Генджи сразу нельзя было заметить зрачок – слишком уж сильно он сливался с радужкой. Из-за этого новые знакомые Генджи часто шутили о том, что тот носит линзы, чтобы казаться круче.

Хидео вздрогнул, когда перед самым его носом щелкнули пальцы.

– Ты что-то стал совсем рассеянный. У тебя проблемы?

Мрачные синие глаза прожигали в Хидео дыру.

Он открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но вдруг понял, что не может. Нет у него никаких проблем, лишь те, внутренние, которые он спрятал глубоко в себе и не выпускал, покуда не найдется удобного случая. И даже сейчас этот случай не наступил.

Зачем сейчас напрягать Генджи такими пустяками, как тревожные сны? Да он и слушать его не станет!

– Я просто переутомился, – ответил Хидео нарочито беспечно. – В старших классах сложно сконцентрироваться на чем-то важном, не находишь?

Генджи понимающе покачал головой.

Его понимание как соль на рану – ну вот зачем притворяться, что ты все понимаешь?! Всегда успевающий отличник Генджи просто не может знать, что такое сложная концентрация!

– Ладно, парень, у меня новости, – заговорщицки прошептал Генджи, склоняясь над Хидео. – Помнишь Мамору-сан? Мамору Горо, балда! Мы с ним в шахматы играли, а потом враждовали – я тебе рассказывал про него, ну!

– Ну?

– Так вот, – Генджи еще больше понизил тон, – он пропал.

– В смысле, пропал?

– Ну, в прямом! Он якобы переехал в соседний город, но так ни с кем и не попрощался, в том числе и с лучшим другом. Да даже будь Мамору самым безответственным и легкомысленным человеком на земле, он не смог бы уехать куда-то, не уведомив своего близкого друга хотя бы прощальной запиской!

Генджи говорил вдохновенно, Хидео даже показалось, что он светится от радости. Его тревога от этой новости и от состояния, в котором пребывал Генджи, только усилилась.

– И куда он пропал? – спросил Хидео осторожно.

– Не знаю! В том и дело – никто не знает! Он пропал около трех месяцев назад, а знаешь, что самое примечательное? Маньяк стал орудовать примерно в то же время. Правда, он убивает жертв и даже не прячет их, а тут – спрятал. Рискну предположить, что Мамору-сан – его первая жертва.

– Так, стоп! – Хидео вскинул руку. – Ты серьезно любое подозрительное происшествие будешь связывать с маньяком?

– Ну... да.

– Он на то и маньяк, чтобы действовать по отточенной схеме! Беспорядочные убийства его не интересуют.

– Ты не понял, – Генджи подтащил стул и сел напротив. – Первая жертва – это черновик. Пробная версия. То есть, первое убийство может отличаться от других. Маньяки – не злые гении, которые продумывают линию поведения от первого до последнего убийства. В фильмах все излишне романтизировано. То, что ты называешь «отточенными» действиями – лишь набор obsessions. Если маньяк заиклен на отрезанных гениталиях, то он будет их отрезать, и не потому, что так страшнее и эффектнее! Просто башка у него – это огромный жужжащий улей, в котором каждая пчела пытается перекричать остальных. Понял?

Хидео мрачно кивнул. Этот разговор нравился ему все меньше и меньше.

– И что ты собираешься делать с этой информацией? – спросил он, нахмурившись. – Я про Мамору-сан.

– Проведу частное расследование.

– Ты шутишь?

– Я серьезен как никогда.

– Этого просто не может быть, Генджи!

Но тот уже уходил, посмеиваясь. На Хидео вновь навалились неприятные, скользкие мысли, связанные со сном, и он, чтобы избежать вторичного падения в эту пучину тревоги, порывисто схватил Генджи за руку.

– И что же, ты собираешься его выследить и отдать полиции? – спросил он тихо.

Хидео сейчас было совсем не до маньяков-наильников и преступной части мира. Все, чего он хотел – это покоя. Но уж лучше говорить об этом, чем молча ждать звонка. Он просто не вынесет тишины.

Образ неба, виденный им во сне, следовал за Хидео неотступно. Он уже сто миллионов раз пожалел, что поднял голову – смутная тревога пусть и пугала своей неопределенностью, зато не бесила так, как это делает лазурное небо.

Зачем он вообще пытается что-то вспомнить? Разве сны могут принести какую-то пользу тем, кто не ведет дневник?..

– Ну, если все пройдет гладко, на это можно будет надеяться, – спокойно ответил Генджи.

Хидео ему не поверил. Разве можно собственными силами кого-то поймать?

– О, тогда удачи тебе, – сказал он, но прозвучало как-то вяло.

Генджи с прищуром посмотрел на друга:

– Нет, ты явно сейчас не в духе. Если случится что-то действительно ужасное, дай мне знать, хорошо?

Мацумура лишь кивнул. Генджи ненадолго задержал на друге взгляд, полный переживания и сожаления. Хидео посмотрел в окна напротив, желая избавиться от назойливого внимания Генджи.

Тот ушел, и дышать стало легче. Генджи любил создавать какую-то нездоровую атмосферу везде, где оказывался. Все от него шарахались, как от прокаженного. И только Хидео, не имея средств для сопротивления, поддался силе странного очарования этого парня. Так они и стали дружить. Вообще это случилось не сразу: первые несколько месяцев после первой встречи в средней школе Хидео и Генджи смотрели друг на друга с опаской. Хидео казалось, что мальчик, попавший в его класс, нездоров. Тогда Генджи, впрочем, как и сейчас, особенно тянуло на мистику и преступления. Он рассказывал всем остальным про свои интересы, надеясь привлечь к себе такого же странного чудака, каким был он сам.

Хидео не мог назвать себя чудаком. Его интересовали совершенно нормальные вещи – игры, манга, эротические фильмы... и все же постепенно он потянулся к Генджи. Он был единственным его слушателем во время рассказов об ужасных преступлениях, где от женщин оставались в лучшем случае кости. Он был единственным, кто поддержал идею Генджи сходить вечером на кладбище, чтобы найти там семью его покойной бабушки. При всем этом друг не испытывал проблем с адаптацией в школе – все в классе остерегались его, но уважали.

Урок прошел спокойно и даже скучно. Учитель сновал туда-сюда на протяжении всего часа и монотонно что-то рассказывал. Хидео даже начал считать, сколько раз успел за этот урок зевнуть. Мысли не прояснялись. Ему снилось небо, а что было дальше – беспросветная тьма. Тайна, постичь которую Хидео вряд ли теперь сможет.

Во время обеденного перерыва он вышел в сад и сел на лавочку, бросая на гуляющих учеников косые взгляды. Никто из них не интересовался тем, что делает Хидео, сидя в одиночестве в окружении цветов, однако ему было трудно сосредоточиться – чтение манги (именно этим он собирался заниматься сейчас) было для него делом сугубо личным, и постороннего внимания он остерегался.

– Давно не видел тебя за чтением этой ерунды, – спокойно произнес Генджи, возникая рядом.

Мацумура вздрогнул, затем медленно поднял на него встревоженный взгляд.

– Но ты же тоже читаешь мангу, – ответил он сдавленно.

Генджи фыркнул:

– Только не эту слащавую фигню. Тебе что, так хочется романтики?

Генджи кивнул в сторону томика манги, которую Хидео держал в руках. Он и сам не заметил, как схватил этот том – видимо, его мысли были настолько далеки, что он машинально схватил с полки сиде.

Внимательный взгляд друга изрядно напрягал – как будто бы по взгляду Хидео тот собирался прочесть все, о чем он думает. Мацумура неловко повел плечом, как бы стряхивая с себя взгляд Генджи.

– Не все же одни детективы читать, – буркнул он, поспешно пряча том манги в сумку.

– А хоть бы и детективы, – невозмутимо ответил Генджи. – Ты не больно-то детективы жалуешь, раз до сих пор не поднаторел в индуктивных методах.

– Да мне не нужно это!

– Это тебе только кажется, что не нужно. На самом деле любому человеку полезно хоть раз в жизни прочесть хороший детектив – это развивает логику. Прокачивает внимательность.

Тот самый случай, когда набор данных дается не сам по себе: чтобы прийти к определенному выводу, нужно сначала додуматься до него.

– Ты гениален, как и всегда, – фыркнул Хидео.

– Так что ты скажешь в свое оправдание?

– Я не заметил, как читаю это, – приподнял брови Мацумура, разводя руками.

– Ну, ты частенько не замечаешь, как читаешь любовные романы.

При этом Генджи противно захихикал, за что чуть не получил кулаком в нос.

– Ладно, ладно, спокойно, – примирительно пробормотал он, выставя ладони вперед.

Сзади кто-то аккуратно прошелся, и над самой своей головой Хидео тут же услышал мелодичное: «Привет». И сердце опять так предательски екнуло!

Но это вновь была не Лили.

– Привет, Хамада-сан, – буркнул он, не поворачивая на девушку головы.

Зато Генджи, уставившись на Хамаду, проводил ее заинтересованным взглядом, а потом с укоризной взглянул на Хидео.

– Ты ее знаешь? – выпалил Мацумура прежде, чем тот успел задать свой вопрос.

Генджи слегка опешил от резкого выпада Хидео и на мгновение потерял способность думать. Потом весьма недовольно изрек:

– Да, знаю. Удивительно, кстати, ведь ее здесь почти никто не замечает.

– Она новенькая?

– Ну, уже нет. Прибыла сюда два года назад, но контакт тут ни с кем так и не наладила.

У нее здесь училась сестра, насколько я знаю, она в том году была выпускница.

Хидео задумчиво кивнул. Мысли его потекли в другом направлении – он внезапно задумался о том, что Генджи слишком хорошо осведомлен о каждом ученике школы. Хидео никогда не спрашивал у друга о способах получения информации – это была тайна за семью замками. Генджи просто все это знал, он был вездесущ. Иной раз это даже пугало – ну не может такого быть, чтобы Генджи смог собрать всю эту информацию честным путем! Наверняка он знал какие-то лазейки и тайные рычаги, которые помогали ему выуживать информацию для своего профайла.

Очнувшись, Хидео понял, что Генджи все еще смотрит на него. Если он и вправду научился читать мысли...

– Мне пора, – вдруг выпалил Хидео, вскакивая с лавочки.

Генджи хмыкнул.

– Ты в последнее время какой-то нервный, – пробормотал он.

– Я нервный? – Хидео, дернувшись, неловко почесал затылок. – Мне кажется, я... в общем... увидимся позже.

Он быстро ушел, оставив друга в недоумении. Хидео поспешил скрыться, идя вперед, не разбирая дороги. Он не знал, почему так спешил, почему сбежал от друга и что с ним вообще происходит. Неосторожное замечание Генджи сбilo с толку – его как будто пронзило электрическим разрядом! Вот что с ним такое? Он нервный? С чего бы ему так переживать? В последнее время все у него в жизни спокойно и стабильно – он и раньше не жаловался на тяжелую жизнь, но сейчас все было более чем хорошо. Почему же он нервный? Что случилось за эти два дня такого?..

Глотку жгло от желания кричать, а грудь сводило спазмами из-за напряжения, захватившего все тело. Его трясло и лихорадило, он не знал, куда себя девать, не знал, что с ним такое происходит и как выбираться из этого замкнутого круга, в котором он застрял.

«Это просто нервный срыв, это всего лишь нервный срыв», – повторял он про себя, а перед глазами уже давно была мерзкая пелена, от которой мутилось в сознание.

Очнулся он только тогда, когда явился в библиотеку – всегда пустую, всегда тихую. Хидео не мог бы сказать, что его так привлекает в библиотеке, почему, придя сюда так спонтанно, он

внезапно ощутил такое спокойствие? Словно это была комната самосохранения – здесь только умиротворяющей музыки не играло.

Аккуратно Хидео прошелся по рядам, опасливо оглядывая полки, и дошел до самого конца, бросая взгляды на пыльные и обветшалые книги. Ему не нравится читать, но вид книг его успокаивает – какие бы они ни были старые, все в них говорит о стабильности и вечности, которых Хидео как раз не хватает. И, хотя он из раза в раз сетует на однообразие и бесконечность, любые перемены могут надолго выбить его из седла. Особенно, если он не будет к ним готов.

– Ты что, следишь за мной? – мягко и шутливо возмутилась Мичи, прижимая красную книгу к темно-синей груди.

Эта школьная жилетка чертовски ей идет.

– А? Нет! – Хидео растерялся. – Я просто... не знаю, что привело меня сюда.

Мичи лишь улыбнулась своей приятной улыбкой, ее щеки сладко порозовели. Она выглядела, как те самые противные цветы, от которых исходил невыносимый и запоминающийся аромат. Теперь Хидео они показались не такими уж и гадкими. Была в них определенная романтика.

Неловкая пауза затягивалась. Хидео бросил задумчивый взгляд на книгу, которую она так заботливо прижимала к груди. Это был интересный, будоражащий контраст ярко-красного и темно-синего. Если бы Хидео умел рисовать, он бы попытался запечатлеть эту сцену.

– А что у тебя в руках за книга? – спросил он, чтобы хоть как-то прервать тишину, в которую они погрузились.

– А, это энциклопедия о черепах, – беспечно ответила Хамада. – Давно... ее искала.

Она скосила взгляд на книгу, и было неясно, видит ли она то, как резко и сильно побледнел Хидео. Его сердце пропустило два удара. Он вспомнил свой сон, от начала и до конца, в мельчайших подробностях, и ему вдруг показалось, что он уже точно такой видел, он видел его много раз, просто вспомнил только теперь. Его передернуло, когда перед мысленным взором встал волчий череп, к которому Хидео приник губами. От одного воспоминания его кожа покрывалась мурашками. Со стороны он стал похож на больного, которого по частям съедала лихорадка. В какой-то миг Хидео заметил, что Мичи исподтишка наблюдает за его шоком. Она не выглядела удивленной или обеспокоенной; ее взгляд выражал лишь оценку. Она оценивала его состояние.

– Ты увлекаешься... черепами? – он с трудом заставлял свой язык ворочаться в ротовой полости.

«Что же означает череп волка из моего сна?» – лихорадочно крутилась в голове настойчивая мысль.

Мичи прижала книгу еще крепче к груди, словно пыталась спрятать в себя книжные страницы.

– Да. Я их даже коллекционирую, – спокойно сказала она, не замечая, как Хидео стал еще бледнее.

Этим она добила его. Он уперся рукой о полку, чтобы тут же не потерять сознание. Теперь он выглядел не просто больным – он стал похож на мертвеца.

– И что же, это так интересно? – выдавил Хидео, проглатывая комок в горле.

– Ты даже не представляешь, как! – ее лицо расплылось в улыбке.

Она смотрела прямо в его глаза, словно пыталась разгадать, кто он, о чем думает, и как сам относится к этим черепам. По внешнему виду Хидео было понятно, что подобное увлечение ввергает его в настоящий шок. Из головы не выходил сон, виденный накануне. Это так странно... Как будто он предсказал этот диалог, в котором отозвался тот же символ, что и во сне.

– Не хочешь узнать о них побольше? – тихо и медленно спросила Мичи, протягивая ему книгу.

Он заметил, что она держала ее так, словно и не собиралась ее отдавать: руки крепко стиснули обложку, и, хотя Мичи наконец оторвала фолиант от груди, руки она не вытянула до конца. Создавалось впечатление, что, посмей Хидео прикоснуться к книге, она отдернет руки назад.

Неужели она это для вида предложила? Если ей так нужна эта книга, могла бы не предлагать ее ему.

Тишину библиотеки разрезал громкий звонок. Мичи вновь прижала книгу к себе и, слабо улыбнувшись, пробежала мимо него прямо к библиотекарю.

– Мне вот эту и побыстрей! – взволнованно воскликнула она, то и дело стреляя взглядом в ту сторону, где остался стоять Хидео.

Ему было очень неловко, в первую очередь из-за того, что он так странно и нелепо отреагировал на ее хобби. В конце концов, все имеют право заниматься любым безобидным делом – так почему бы Хамаде не коллекционировать черепа животных?

Главное, что не людей.

Когда Хамада выскочила за дверь, Хидео схватил первую попавшуюся книгу и дал ее библиотекарю, миловидной девушке в очках. Она работает здесь совсем недавно, поэтому скучное и однообразное времяпрепровождение среди библиотечных стен еще не успели ей надоесть. Бедная, эта работа ее испортит. Она возненавидит книги вместе с теми, кто их читает.

– Хотите взять Сэй-Сенагон? – спросила библиотекарь, готовя бланк.

– А? – Хидео на секунду отвлекся. – Да, хочу ее прочесть.

Библиотекарь записала все данные и выдала небольшой томик в серой обложке с позолоченными символами:

«Записки у изголовья»

Хидео вышел из библиотеки, сжимая дрожащими от волнения руками книгу.

«Господи, опять дурь какую-то взял», – подумал он недовольно, спрятав книгу в сумку.

Он заметил, как далеко впереди уверенно шагает Мичи Хамада. Странно, почему он так реагирует на то, что Хамада увлекается черепами? Это же всего лишь ее хобби, которое она предпочитает, например, чтению манги. Почему нет?

И все равно одна мысль об этом приводила Хидео в дрожь.

Лили: суперкислоты и формальдегид

Было немного боязно заходить в кабинет к Токутаро-сэнсэю после всего того, что случилось вчера – Лили винила себя в том, что не смогла пойти на учебу, однако если бы ей выпал шанс прожить вчерашний день еще раз, она бы сделала то же самое. Только теперь пошла бы к бабушке иной дорогой.

Отчасти Лили была рада тому, что встретилась с учителем в тех обстоятельствах, потому что встретить она его в стенах школы, она ни за что не смогла бы удержать распирающую ее радость внутри. Теперь же, когда первые восторги улеглись, Лили могла оценить свое положение трезво: у нее появился шанс доказать всем, что она отлично справляется с любыми трудностями! С другой стороны, та работа, которую ей предложил сэнсэй, накладывает на нее определенные обязательства. Хватит ли у нее сил на это? Достаточно ли она ответственна для того, чтобы суметь написать ее?

Именно поэтому она все еще топталась перед дверью кабинета, как будто ожидала, когда ее позовут.

У Лили были причины согласиться на предложение сэнсэя. Главная причина заключалась в том, что она отчаянно хотела внимания – ее бесила мысль о том, что в школе она почти ничем не выделяется. У нее была не самая яркая внешность, да и ум, сноровка, находчивость оставляли желать лучшего. Хотелось перемен. Хотелось срочно сделать что-то такое, после чего все вокруг станут хвалить ее и носить на руках – конечно, этого просто не могло быть, но мечтать Лили никто не запрещал.

Переборов страх, она, наконец, решительно (скорее это было похоже на бесшабашный рывок, чем на осознанное действие) вошла в кабинет.

Там, опершись спиной о парту, в задумчивости стоял Генджи.

Она вспомнила его имя сразу же, как только увидела – ему даже не требовалось смотреть на нее, чтобы Лили почувствовала: от этого парня веет опасностью. Он не выглядел опасным в том привычном смысле, который подразумевает вынимание ножа из кармана в самый неподходящий момент. Нет, от него исходило ощущение опасности иного рода, более... призрачное, неясное, едва ощутимое. Генджи был очень умным, и ум его – пронизательный, острый, сильный – представлял главную угрозу для Лили. Она ненавидела Генджи и боялась его. Боялась и потому – ненавидела.

Он повернулся к ней медленно, неохотно, точно ему не нужно было делать это лишнее движение, но он все равно его сделал, потому что того требовали приличия. Окинув Лили равнодушным взглядом, Генджи ничего не сказал.

Это ее взбесило.

– Где Токутаро-сэнсэй? – резко спросила она, проходя в глубь класса.

– Вышел, – лаконично ответил Генджи. – Оставил меня тут ждать.

– Зачем ты это делаешь?

Лили встала напротив, сложив руки на груди. Ее суровый взгляд не отрывался от меланхоличного взгляда Генджи.

– Он сказал, – непоколебимо ответил Генджи. – И я жду.

– Но зачем ты пришел?

– Он меня попросил прийти. Потом вышел, сказал, чтобы я...

Скрипнула дверь. Лили повернула голову, смотря на вошедшего учителя в упор. Он спокойно прошел к своему рабочему месту.

– О, вот вы и в сборе, – пробормотал Токутаро-сэнсэй, открывая ящик стола. – Я приготовил для вас задание.

– Для нас? – спросила Лили, даже не пытаясь скрыть презрительного тона. – Вы имеете в виду меня и... его?

Большим пальцем она указала за спину – там как раз стоял Генджи. Он был настолько безучастен, что, доведись Лили обозвать его тупицей, Генджи и ухом бы не повел.

– Да, да, – закивал учитель, – вас двоих. Вы будете писать научную работу в паре. Есть две отличные темы, которые вы можете осветить: формальдегид и суперкислоты. Вы можете выбрать любой аспект изучения этих тем, попробуйте поэкспериментировать. Думаю, с этим у вас проблем не возникнет. Я вам сейчас дам список положений конкурса, ознакомьтесь...

Он стал активно рыться в бумагах, не замечая попытки Лили возражать. В такие моменты она почти его ненавидела! Не каждый из людей способен настолько абстрагироваться от мира, чтобы никак не реагировать на заданные вопросы или другие тревожащие вещи.

Переполненная досадой, она повернулась к Генджи. Впервые за все время их пребывания в кабинете его лицо стало обеспокоенным. Кажется, он до последнего надеялся, что его не поставят в пару с Лили. Теперь же, когда им дали общую тему, сомнения отпали: им придется работать вместе. Ради репутации школы. Ради собственной репутации.

Лили до боли вцепилась в свои плечи, чтобы не закричать от злости и ужаса. Да хуже ситуации и представить сложно! Если верны те слухи, которые о Генджи ходят, он – ненормальный!

Взгляд у нее сделался жестким. Она ожидала, что все пройдет не совсем гладко, но такое вообразить было совсем трудно! Возможно, им удастся достичь компромисса: если они разделят работу пополам и будут писать ее обособленно друг от друга, то все будет не так уж и плохо. По крайней мере, она знает о Генджи то, что он вполне порядочный, пусть и очень грубый. Не станет же он ставить ей палки в колеса – особенно, когда они на одной стороне?

– Вот! – Токутаро-сэнсэй вытащил листок из кипы бумаг. – Здесь все положения, правила участия и форма, куда нужно подавать заявку. Постарайтесь окончательно определиться с вашей темой на этой неделе.

Чрезвычайно довольный собой, он вытолкнул Лили и Генджи вон из класса и крикнул напоследок:

– Будут вопросы – звоните!

Лили вскипела: она готова была вернуться и броситься на учителя с кулаками, но страх войти в дверь вновь овладел ею – теперь гораздо более сильный, чем тот, который она испытала четверть часа назад.

Генджи бегло осмотрел листок, усмехнулся чему-то своему и передал его Лили. Она взялась за край бумаги, с ужасом осознавая, что руки у нее мелко дрожат – то ли от волнения перед поставленной задачей, то ли от близости Генджи. Все это время, возмущаясь и пытаясь внутри себя от злости, она пыталась задушить нарастающую тревогу, которая червями выгрызала в ней норы – если бы ее волнение, такое подвижное и живое, можно было бы увидеть невооруженным глазом, Генджи бы увидел, что тело ее все испещрено дырами.

Она боялась, что Генджи задаст ей какой-нибудь вопрос, касающийся ее знаний в области химии. Она не считала себя слабой в этом предмете, но на фоне умного одноклассника чувствовала, как становится незаметной в его тени – крошечная и невидимая. Наверное, это было главной причиной, по которой она не хотела – просто не могла! – писать работу с ним в паре: его непомерное эго заденет ее собственное. Лили не могла этого допустить.

– Ты в порядке? – спросил Генджи, заглядывая Лили в глаза.

Она вздрогнула, едва не выронив лист. Только теперь она заметила, что за все это время не прочитала ни строчки, хотя и осматривала бумагу в поисках чего-то примечательного.

– Д-да, – слабо ответила она, покачиваясь (ноги ее почти не держали). – Я дома гляну, хорошо? Наверное, я и в самом деле не в порядке.

– Ладно. – Пожав плечами, Генджи развернулся на пятках, чтобы уйти. – Ты, главное, не забудь подумать над темой. Мне-то, в общем, все равно, о чем писать, так что если у тебя есть тема, в которой ты чувствуешь себя увереннее...

– Я во всех темах чувствую себя достаточно уверенно, – заявила Лили, вспыхивая.

Лист нервно дрогнул в ее пальцах. Как же он бесит! Именно этого она и боялась – подобных уничижительных компромиссов. Да, может она и не чувствует себя достаточно осведомленной в той или иной области химии, но это же не значит, что он может это как-либо подчеркивать!

– Ладно-ладно, – примирительно пробормотал Генджи, уходя. – Я просто сделал предположение.

– Прощай! – огрызнулась Лили, а когда Генджи скрылся за поворотом, со злостью тихо добавила: – Идиот.

Хидео: приглашение

После урока истории ученики разошлись на перерыв, и Хидео, так и не пообедавший во время прошлого перерыва, отправился к своему любимому месту в надежде перекусить. Желудок ныл от голода – и если бы не рамки приличия, Хидео с удовольствием бы сейчас закинул в рот что-нибудь из оставленного мамой – например, бэнто. Он уже предвкушал этот сладостный момент, когда отведаст вкусного риса с овощами.

Сев на лавочку, Хидео вновь всмотрелся в разноцветные кусты с цветами и невольно подумал о том, что они выглядят намного приятнее, когда рядом с ними кто-то стоит. Вдруг на ум пришла Хамада – она, как солнечный луч, возникла в сознании помимо его желания, и Хидео ощутил, как мурашки бегут по коже от одного только представления о девушке.

Он задумчиво поднес палочки к лицу, буравя невидящим взглядом кусты, и все думал, бесконечно долго думал о том, как бы отреагировал, пояись Мичи прямо здесь, перед ним. Он бы не испугался, конечно, но его бы ужасно смутило ее появление – он ведь не звал ее. А давно ли ей стало важно, зовут ее или нет? Хидео может до потери сознания доказывать всем и каждому (в первую очередь – себе), что никто не имеет права нарушать его личное пространство без его ведома, но в действительности он прекрасно понимает – Хамада может. Она странная, а странным людям все можно.

Да и почему он вообще начал об этом думать? Что бы изменилось, если бы она пришла? Хидео уж точно бы не обрадовался – его едва ли хватало на то, чтобы не съязвить при виде Хамады. Вечно навязчивая, она нарушала его покой, как если бы неподвижную гладь воды вдруг взбаламутила лягушка. Он бы не обрадовался, нет, но, может, тогда его перестало бы глотать странное чувство, что он навсегда останется здесь, пока остальные ученики будут куда-то двигаться и духовно расти. Ему бы не хотелось всю жизнь провести в стенах школы, да он и не смог бы, ведь рано или поздно все отсюда уходят. Хидео казалось, что стены сдавливают его со всех сторон, дают своим пространством и не дают выбраться. Каждый раз, когда Хидео вспоминал о них – ему становилось не по себе. Сглатывая острую горечь, он старался забыться, уйти с головой в какие-нибудь чужие вселенные, где проблемы были не у него, а у других людей, существующих только в фантазии автора.

Аппетит после размышлений пропал, как будто его никогда и не было. Отложив палочки, Хидео тяжело вздохнул. Он не хотел показывать на людях свои эмоции, но они упрямо просились наружу – вот он потянулся рукой к губам, чтобы с силой закусить палец – это нужно было сделать, чтобы почувствовать боль. Боль отрезвляет.

На губу просочилась кровь из пальца. Почувствовав жжение, Хидео отнял руку. Навязчивое прошло, и стены, и глухое одиночество, давящие на него своей неподъемной тяжестью, наконец отступили. Справляться с психологическими проблемами с помощью боли – способ вредный, но достаточно действенный.

Он был бы рад любому живому существу, даже Хамаде. В идеале, конечно, ему хотелось посидеть с Генджи – тот уж точно не станет терпеть тишину и расскажет о чем-нибудь интересном. Он сейчас буквально помешался на преступлениях, хочет непременно докопаться до истины, да только он же обычный школьник, такие, как он, разгадывают тайны только в детективных книжках да подростковых сериалах. И все же Генджи уверен в успехе дела. Может, это из-за того, что у него отец работает в полиции? Он как раз сейчас занимается этим делом.

Телефон завибрировал. Хидео потянулся за ним, и, вытащив, открыл сообщение в «микси». По забавному совпадению, писала Хамада:

«Где ты?»

У Хидео учащенно забилося сердце. Легка на помине! Стоило только подумать о том, что ее нет, как она внезапно появляется! Невесомое волнение подкатило к самому горлу, пока он печатал ответ:

«В саду».

Ему не слишком хотелось говорить о том, в каком месте он сейчас обедает, но ничего другого не оставалось, тем более он сам скучал в одиночестве и остро нуждался в компании. Все-таки, какой бы странной Мичи ни была, ее присутствие рядом как-то... успокаивало. Ее светлые волосы, непринужденность, вечный оптимизм и почти щенячья кротость вселяли в душу трепетную радость, от которой становилось теплее и веселее.

Сидя в мрачном, нетерпеливом ожидании, Хидео порывался вновь отведать желанного бэнто, но рис не лез в глотку – то ли от волнения, то ли просто от одного пресыщения одним видом еды.

Припомнился сон – точнее, он и не забывался, существовал где-то на периферии сознания, как вещь, суть которой давно позабыта, но которая все еще напоминает о себе.

Череп волка, волчий череп – время выбелило кости, сгладило углы, отчего свет лазурного неба голубыми тенями очерчивал впадины и покатые изгибы. Мысленно Хидео провел пальцами по кости, почти на физическом уровне ощущая шероховатую поверхность, испещренную царапинами и вмятинами. Он этот череп поцеловал – прямо в молочно-белые зубы. Он и сам не понимал, почему сделал это, почему из всех действий он совершил именно этот целомудренный, почти ритуальный поцелуй. Да, наверное все дело в том, что это был своеобразный ритуал – чтобы пройти дальше, нужно поцеловать уснувшего.

Лазурное небо тоже что-то значит? Голубой цвет – цвет чистоты, непорочности, это цвет воды и небес. Как это привязать к тому, что он чувствовал во сне? Есть ли у этого какая-то трактовка? Голубой цвет – это, по сути, разведенный синий, а синий втягивает в себя зрителя, забирая его внимание без остатка. Чем темнее синий, тем глубже омут, в который он затягивает.

– Я совсем забыла, что ты обедаешь здесь, – Мичи торопливо подошла и аккуратно села рядом.

Хидео посторонился, отводя взгляд в сторону. После того что произошло в библиотеке, ему стало неловко на нее смотреть. Что она, интересно, подумала, когда увидела его побелевшее от ужаса лицо? Хотя он и считал ее странной, ему совсем не хотелось, чтобы она думала про него то же самое. Он же совсем не странный – типичный подросток с обычными проблемами. Его часто приводили в смятение глупые и пошлые шутки одноклассников, его сводили с ума миры, в которые он с головой погружался, но это никак не характеризовало его как личность. Хидео был, скорее, наблюдателем своей жизни, нежели ее непосредственным участником – он дружил с сумасшедшим Генджи, жил с сумасшедшей матерью и мечтал о сумасшедшей девушке. Традициям он не изменял.

Мичи сидела рядом, такая теплая и спокойная, взгляд ее без интереса блуждал по цветам, не задерживаясь надолго ни в одной точке. Лишь немного погодя Хидео заметил, как Мичи вцепилась побелевшими пальцами в край синей юбки.

– Слушай, – начала она, запинаясь, – сегодня у меня свободный вечер и... мне бы хотелось немного прогуляться. С тобой.

Движение головы вышло немного дерганным; Мичи повернула к Хидео лицо и внимательно заглянула в глаза, словно пытаясь найти в них ответ. Хидео поджал губы, тщательно взвешивая каждое слово, которое должен сказать.

– Почему я?

Она чуть оголила ряд ровных зубов и подалась вперед, сокращая и без того маленькую дистанцию между ними. Хидео подавил инстинктивное желание отодвинуться.

Она коллекционирует черепа животных, и это могло бы быть безобидным хобби, если бы не то обстоятельство, что во сне Хидео уже имел дело с иной стороной подобного коллекционирования. Весьма... неприятной стороной.

На ум некстати пришла старая-старая сказка о кицунэ, которую рассказывала Хидео мама. Эту сказку он никогда не понимал – ее суть сводилась к тому, что богиня Инари, желая попасть в мир людей, попросила двух своих верных кицунэ найти семь душ для перехода. Кицунэ же, вместо того, чтобы выполнить задание, едва не погубили человечество, погрузив его в раздор и смуту.

Семь душ... это были не просто души, кицунэ собирали определенные архетипы: воин, монах, мать, виновный, полукровка, правитель и мятежник. Целая коллекция.

– Потому что только ты смог обратить на меня внимание, – тихо проговорила Мичи. – До этого момента я чувствовала себя пустым местом.

Его глубоко тронуло это признание. Он и сам всегда ощущал нечто похожее – в младшей школе Хидео не замечали. Одноклассники помимо Роуко и Мио проявляли участие, не стараясь сблизиться с ним или подружиться. На вечеринки его не звали, в гостях у других он бывал редко, да и то по особым случаям – если кто-то праздновал день рождения или переезд в другой город. Дружил он с несколькими людьми, но дружба эта была уже испытанной временем. В младшей школе постоянных друзей он так и не завел.

Зато в средней познакомился с Генджи, а если даже такой, как Хидео, смог найти себе друга (пусть и странного), Мичи переживать было не о чем.

Ему стало ее жаль. Она перевелась сюда не так давно, и за это время так ни с кем и не подружилась среди одноклассников. Должно быть, ей тоже ужасно одиноко сидеть целыми днями и не знать, что делать. Кому она изливает душу в подобных ситуациях? Как справляется с острыми приступами отчаяния, если у нее такие есть?

– Ты смотришь на меня так, словно тебе меня жалко, – сказала вдруг она.

– Я просто сочувствую тебе.

– Это разве не одно и то же?

– Сочувствие... чувство более компанейское. Я жалел бы тебя, если бы не чувствовал примерно того же, что чувствуешь ты.

Мичи отвела взгляд в сторону. Когда она вновь решилась заговорить, ее голос чуть дрогнул:

– Тоже чувствуешь себя пустым местом?

– Иногда.

Он боролся с собой. Ему не хотелось так сразу раскрывать свои слабые стороны, но разговор как будто бы обязывал его это сделать. Хамаду нужно было просто поддержать – она нуждалась в том, чтобы кто-нибудь сказал ей, что прекрасно ее понимает.

Сочувствовал ли он ей? Если подумать и как следует разобраться, то да, он определенно это делал по отношению к девушке, хотя раньше ему казалось, что в нем существует только жалость – грубая, жестокая жалость к тем, кто не справляется со своими проблемами, как и он. Когда-то Мио сказала ему, что он слишком часто заикливается на сравнении себя с другими – из этого появляется его неудовлетворение собой и острая жалость к тем, кто не соответствует его стандарту. Хидео тогда обиделся на нее, решив, что она таким способом решила уколоть его. Теперь же Хидео пришел к неутешительной мысли: Мио была права.

Он устал в бэнто не в силах продолжать разговор. Все его нервы и так расшатаны до предела. Зачем доводить до крайности подобными излияниями?

– Так ты сходишь со мной? – спросила Мичи, подтянув ноги под лавочку.

– Хорошо, – коротко ответил Хидео, прикрывая глаза.

– Я позже напишу, во сколько встретимся.

Она вспорхнула, подобно белой бабочке, и засемила в сторону школы, держась спокойно и ровно – хотя Хидео чувствовал, что этот разговор дался ей тяжело.

Уроки закончились быстро, все ученики стали поспешно собираться и расходиться. Учителя настоятельно рекомендовали им не возвращаться домой в одиночку, а расходиться группами, избегать безлюдных мест и идти посередине дороги, подальше от кустов и густых деревьев. Хидео советам не внял – он шел домой в гордом одиночестве, пинал задумчиво камешки и думал о том, как объяснит сегодня матери, что идет гулять по вечернему городу. Мама у него понимающая – она бы не осудила Хидео за позднюю вылазку из дома (даже с учетом того, что в городе завелся серийный убийца), но задала бы ему уйму вопросов, включая и то, каким путем Хидео пойдет в город. Она переживала, а с появлением ужасных новостей о погибших она стала тревожиться еще сильнее, но пока не могла ограничить его передвижения. Комендантского часа еще нет, по вечерам в Сага час пик, людей всегда много и они повсюду – вряд ли кому-то в этот момент будет грозить опасность.

Его внимание привлек какой-то шум; подняв голову, Хидео встретился взглядом с Лили, которая в эту же секунду поспешно отвернулась и попыталась пройти мимо. Хидео резко схватил ее за запястье, отчего она тихо выругалась и стала вырываться.

– Рокэ-сан, – пробормотал Хидео, глядя на нее во все глаза, – ты почему с уроков ушла?

– Они же кончились, нет? – съязвила она.

– Я вот только что освободился, но ты? Ты же из дома идешь?

– Тебе вообще зачем эта информация, Мацумура? Мне стало плохо – меня отпустили домой. Понял? Я ухожу, пусти.

Она выскользнула из его хватки и быстрым шагом стала удаляться, то и дело нервно поправляя рыжий хвост на макушке. Хидео обескураженно глядел ей вслед, теряясь в смутных догадках. Ее ли он только что остановил? Она ведь никогда с ним не общалась в подобном тоне. Когда судьба свела их у храма Инари, Лили была очень мила и обходительна. Да и когда они вместе шли в школу, общалась она легко и просто, без раздражения.

Что-то было не так.

У Хидео болезненно заныло сердце. Если у Лили какие-то проблемы, он обязательно должен это выяснить.

Мамы, к счастью, дома не оказалось. Она ушла на работу в ночную смену (когда-нибудь она себя доконает этими ночными сменами), поэтому Хидео мог спокойно подготовиться к выходу из дома без ежечасного напоминания о том, как опасен внешний мир.

Примерно тогда ему пришло сообщение от Мичи:

«Все еще в силе?»

«Да. Во сколько встречаемся и где?»

Ответ не пришел. Мичи также не уточнила время и место встречи. Это было самое раздражающее – он ведь задал ей вопрос, а она прочитала и не ответила. Может, она уже сама передумала идти на эту дурацкую встречу? Зачем тогда она спросила, в силе ли все? Вероятно, она хотела, чтобы Хидео сам отказался, вот только теперь он из упрямства вцепится в ее предложение и будет делать все, чтобы встреча состоялась.

Все казалось теперь таким никчемным, таким глупым! Ну чего он ожидал, в самом деле? Что она сдержит обещание? Нужно было отказаться с самого начала!

Не выдержав, он взял телефон и, открыв не репис ку, стал яростно строчить, изливая в словах весь накопившийся гнев. Он припомнил ей и странное поведение, и нездоровое увлечение черепами, и белые, выжженные осветлителем волосы, которые не опускались ниже острых худых плеч. Он писал и о себе, проклиная сад, в котором они сидели, библио теку, в которой ему пришлось взять чьи-то бессмысленные короткие записки, он упомянул даже Генджи, которого никогда не было рядом, когда он был так нужен!

Все это он сразу же стер. Опомнившись, Хидео перечитал написанное и ужаснулся – он не догадывался, что в нем может быть столько ядовитой горечи и невысказанных обид. Вместо этого он коротко написал:

«Ты точно уверена, что у нас получится встретиться сегодня?»

Почти сразу пришел ответ:

«Получится. Думаю, нам обоим нужно выговориться».

Руки начали мелко дрожать, ослабевшие от напряжения пальцы едва не выронили телефон. Она все эти десять минут, которые он потратил на написание того длинного, оскорбительного сообщения, сидела и смотрела, как он что-то пишет. Она знала, что он хотел ей сказать что-то, и ждала, когда он напишет и отправит!

Ему стало не по себе. Захотелось смыть с себя навлеченный позор. Он даже толком не знает, что скажет ей, когда они встретятся.

«В пять около твоего любимого кафе – «Фуничи» – прилетело сообщение.

Хидео опешил.

«Откуда ты знаешь, что это мое любимое кафе?!»

В ответ она написала:

«У меня было много времени для подготовки».

«Фуничи» располагалось неподалеку от школы. Это был рай для старшеклассников, которые предпочитали переждать перерывы между уроками в уютном и красивом месте с клетчатыми диванами и столиками из темного дерева. Меню в «Фуничи» было самым распространенным – кофе, чизкейки, кексы, всевозможные пирожные и сладости, которые подавались к чаю или кофе. Там всегда играла легкая инструментальная музыка, которую можно было заметить только в том случае, если пришел в одиночестве – людям, пришедшим в компании, было просто не до нее.

Хидео приходил сюда по выходным, чтобы сменить обстановку после долгой учебной недели. Он всегда брал место у окна, чтобы посматривать на открывающийся вид оживленной улицы, где люди, вечно занятые своими заботами, снуют из стороны в сторону и не замечают, что за ними кто-то пристально наблюдает.

Хидео собрался, выбрал все самое приличное из своего старомодного гардероба, надушился, умылся и вышел навстречу неизвестному.

Генджи: признаки убийства

В который раз Генджи, вернувшись из школы, застал отца, склонившегося над подробностями нераскрытого дела, в сильном умственном напряжении. Желтый свет лампы выхватывал его хмурое лицо из тьмы комнаты. Генджи подошел ближе, опасливо поглядывая на страницы дела.

Ему было запрещено вникать в подробности, хотя отец не всегда придерживался этого правила, и с его губ иногда срывались неосторожные замечания в отношении убийств и жертв. Генджи и сам способствовал этому – его неумное любопытство заставляло отца говорить то, чего он говорить вовсе не собирался.

– Ты все еще думаешь о тех жертвах, да? – спросил Генджи, садясь в плетеное кресло неподалеку от стола.

– Не выходит из головы, – пробормотал отец, прикасаясь шишковатыми пальцами к хмурому лбу, – почему у жертв нет ничего общего. Ни возраст, ни пол, ни внешность, ни работа... Ничего! Если это серийник, значит, у него должна быть определенная цель – не может же он ходить и убивать всех без разбора!

– А какой разброс по возрасту? – спросил Генджи тихо.

– От десяти до сорока, – устало выдал отец. – Ты, вообще-то, не имеешь права этого знать.

Свет лампы, направленный отцу в лицо, на мгновение дрогнул, окунув и без того темную комнату в непроглядный чернильный мрак. Эта лампа давно нуждалась в ремонте – она всегда так противно гудела, еще и мерцала иногда, пока отцовская рука не ударяла хорошенько по металлическому торшеру.

– Ты без меня это не обдумаешь как следует, – спокойно парировал Генджи и встал. – Один мозг хорошо, а два – лучше. Значит, самой юной жертве всего десять лет?

– Ага. Девочка обнаружена неподалеку от школы в мусорном баке. Ножевое ранение в бок, на шее кровоподтеки – ее явно душили. Скорее всего, удар ножом был после удушья. Отрезан безымянный палец на левой руке. Это... странное место для ампутации.

Генджи молча кивнул: обычно маньяков интересуют совсем другие части тела.

Он знал, что девочка была первой жертвой. Это страшное открытие, ведь маньяки, в большинстве своем, предпочитают «набивать руку» на менее жестоких преступлениях. Чаще всего жертвой становится убитая в порыве гнева женщина или молодая незащищенная девушка, которую избили в парке... Но причем тут ребенок?

Генджи хотел сформулировать уточняющий вопрос, который обычно задают при обнаружении трупа ребенка, но отец опередил его быстрым как молния дополнением:

– Следов изнасилования нет. Вообще больше никаких следов нет! Бедное дитя...

– У остальных жертв то же самое?

Бесстрастность, с которой Генджи задавал вопросы, поражала даже его отца.

– Да, но у убитой пары признаки отличаются. Убийца сначала душит жертв, а потом бьет ножом в бок, и понятно, что он не может задушить сразу двоих. Вместо этого он перерезал горло сначала одному, потом второму. Дальше стандартно: ножевое ранение в бок и отрезанный палец на левой руке.

– Как убийца смог перерезать горло обеим жертвам? – спросил Генджи.

Отец шумно выдохнул, затем, сильно зажмурившись, потер пальцами переносицу.

– Они ехали в машине, убийца был на пассажирском. Видимо, выхватил нож во время езды и перерезал горло сначала девушке, которая сидела рядом с водителем, а потом парню, который вел машину. Машина съехала с горки и влетела в дерево. Преступник успел скрыться. Меня больше интересует, как он успел после столкновения машины пырнуть убитых в бока и забрать их пальцы. Что думаешь?

– Машина сильно была повреждена при столкновении?

– Ну так, среднее повреждение: помяло бампер и лобовое вылетело.

– Вы не работали над версией, где убийца угрозами заставил бы водителя остановиться? Тогда он успел бы сделать все свои дела и просто бы отправил машину в дерево.

– Как ты себе представляешь это? Он же не мог сесть вместо водителя!

– А зачем садиться? Разогнать машину, держа за руль и пустить ее катиться вниз по склону. Сам же сказал, что они с горки съехали.

Отец задумался – казалось, такая мысль попросту не приходила ему в голову. Сейчас, когда Генджи не знал всех подробностей убийства молодой пары, его предположения были сугубо теоретическими и на правдивость несколько не претендовали.

Он осторожно потянулся к делу, чтобы взглянуть на детали, которые могли быть опущены в разговоре.

– Не трожь, прохвост! – крикнул отец, сгребая страницы в охапку.

Генджи лишь цокнул и отвернулся. Если он и дулся, то дулся недолго. Внезапно Генджи пришла в голову интересная мысль.

– Почему убийца сидел в салоне? – спросил он. – Он что, ехал куда-то автостопом, и его любезно подобрала милая пара?

– Насколько мне известно, пара ехала домой от родственников. Они не путешествовали, просто отправились в дальнюю часть города. Примерно на двести девятой трассе они подобрали пассажира, но местность там достаточно оживленная, к тому же есть гостиницы и кафе. Стал бы их попутчик куда-то ехать поздним вечером? Если он передвигается автостопом, логичнее было бы переждать ночь в гостинице.

– Может, ему надо было срочно поехать домой? Или еще куда-то?

– А такси?

Генджи в глубоком раздумье почесал затылок.

– Пара не собиралась выезжать за пределы города, убийца подсел к ним на оживленной трассе, а как тогда вышло, что он их убил?

– Все оживленные трассы рано или поздно кончаются, – философски заметил отец. – Особенно ночью. Машину нашли в глуши. Видимо, они съехали с трассы и поехали по менее людной местности. Неизвестно, куда они направлялись – дом пары находился в другой стороне.

В эту секунду их обоих посетила догадка.

– Они были знакомы! – воскликнул Генджи. – Они встретили его на двести девятой трассе и подвезли.

– Неясно только, куда везли, – хмыкнул отец. – Поблизости домов не было. Если он заставил их остановиться, а потом спустил машину с горки, значит нужно искать от того места, где они остановились. Попробую завтра узнать что-нибудь новое.

Отец протяжно зевнул и стал медленно, сонливо собирать бумаги в папку. Генджи лениво наблюдал за этим, хотя голова его продолжала неистово работать.

– Ты говоришь, что их не объединяет ни пол, ни возраст, ни работа, – медленно проговорил Генджи, вновь приближаясь к креслу. – Но у них должны быть какие-то знакомые? Может, дело не столько во внешних признаках, сколько в их окружении?

– Честно говоря, я с трудом себе представляю, какой может быть общий круг общения у десятилетней девочки и сорокалетней женщины.

– Они не родственники?

– Нет. Между собой убитых ничего не связывает. Ну, кроме той парочки – они молодожены.

– Нужно спрашивать у родственников молодых людей обо всех знакомых. Мне кажется, логичнее начать с них, ведь тут у нас хотя бы есть версия, кем может быть преступник.

Отец нехотя встал, потянулся, разминая уставшие от долгого сидения мышцы, и неспешно двинулся к Генджи.

Он так заботливо положил руку ему на плечо, что Генджи слегка вздрогнул и устремил на отца удивленный взгляд.

– Хорошо поработали сегодня, да, сын?

Генджи ничего не ответил. Это был один из тех отцовских вопросов, на которые ответ попросту не требовался.

Лили: ужасная новость

– Я дома! – воскликнула Лили, бросая тяжелую сумку на пол. – Мам, мне дали написать работу, представляешь? Мам?..

Она протиснулась сквозь узкий проем коридора, прокручивая в голове сотни тысяч странных, ужасающих мыслей. Она точно знает, что мама сейчас находится дома, но почему она молчит? В уме Лили судорожно перебирала: папа на работе, брат в школе, мама дома, мама должна быть дома, если только она не оставила записку, что уйдет.

Но куда ей уходить? Если бы она ушла, то заперла бы дверь!

С тяжелым сердцем, переполненным тревогой, Лили вошла в родительскую комнату, в которой все оставалось на своих местах – даже простынь на кровати не была тронута. Вылетев из покоев, Лили еще раз громко позвала маму, а потом вбежала на кухню и замерла, пораженная: мама сидела на кухне и курила. Белый полупрозрачный дым витком повис над рукой, зажавшей сигарету. Мама смотрела в стол пустым, ничего не выражающим взглядом. Лили подошла к ней, упала на стул, обреченно глядя на белую сигарету, зажатую тисками дрожащих пальцев.

– Что случилось?.. – пробормотала она, пожирая глазами то безжизненное лицо мамы, то витиеватый дым.

Сигарета тлела.

Мама, казалось, только теперь взглянула на дочь. Взгляд ее прояснился, но лишь на мгновение; почти в ту же секунду она вновь уставилась на поверхность стола, испещренную царапинами-ранами.

– Я развожусь с твоим отцом, – спокойно пробормотала она, поднося сигарету к губам.

– Ты что, шутишь так? – Лили нахмурилась.

Когда мама в очередной раз затянулась, Лили захотелось наклониться и вырвать сигарету из ее рук. Черт возьми, она же никогда раньше не курила! Откуда у нее сигареты?

– В последнее время мы не ладим, – коротко ответила мама, бросив взгляд в сторону. – Ты должна понять, Лили, ты же уже взрослая. Мы с твоим отцом не можем воспитывать вас в таких условиях, мы постоянно ссоримся – это не пойдет на пользу ни тебе, ни Уго.

– Почему вы не можете остаться вместе? – Лили со всей силы вцепилась пальцами в кожу предплечий. – Вы сделаете только хуже, если разойдетесь!

Мама затянулась; было видно, что этот разговор тоже ей неприятен.

– Это невозможно, – отрезала она, смахивая пепел в пиалу с водой.

Лили вскочила, не в силах обуздать гнев – он вырывался из нее бурными потоками, ей отчаянно хотелось выплеснуть весь негатив, вылить эту заразу из себя полностью, чтобы почувствовать облегчение. Но вместо этого порывистого желания, которое выбивало из-под ног почву, она вновь села, буравя мать полным презрения взглядом.

– Почему невозможно?! – крикнула она, хлопая ладонью по столешнице.

Мать вздрогнула; ее бесцветный взгляд метнулся к Лили, осматривая со всех сторон. Сигарета почти закончилась, но бледные пальцы продолжали сжимать ее так, как будто в одной этой сигарете заключалась вся ее сила и спокойствие.

– Потому что он мне изменил.

В первую секунду Лили показалось, что она умерла, но потом, когда она смогла сделать судорожный вдох, мысль потекла в ином направлении, – теперь девушка думала, что проще было бы умереть, нежели жить так. От их семьи ничего не останется – теперь они разбиты, поделены на части, расколоты сложными обстоятельствами жизни.

Она схватилась за голову, в красках представляя себе весь ужас их нынешнего положения.

Взгляд матери, рассеянный и невидящий, вдруг прояснился, стал жестким и суровым. Казалось, она вновь возвращалась к моменту, когда узнала об измене отца. Лили пришлось прикусить язык – такого признания она не ожидала. Ей стало больно, невыносимо тесно в груди – она не могла заплакать, не собиралась лить слезы, но те душили ее, подступая к горлу тяжелым, свинцовым комком.

Лили чувствовала, что это признание далось матери нелегко, тем более ей было нелегко прийти к решению развестись. До этого в их доме были слышны крики и ссоры, причем ссорились все между собой – Лили часто вступала в конфликт с братом или с матерью, а брат спорил с отцом, не сходясь с ним во мнении по некоторым вопросам. Все это было, но разве это не является чем-то нормальным для каждой семьи?..

Мама сделала последнюю затяжку и потушила сигарету в воде. Лили наблюдала за этим со смесью жалости и отвращения.

– И что вы собираетесь делать после развода? – спросила Лили тихо.

Ей было страшно повышать голос, казалось, будто скажи она эти слова чуть громче, это очень быстро довело бы маму до истерики. Лили исподлобья смотрела на нее, ожидая какого угодно ужаса – хуже ведь уже не будет, самая страшная новость уже позади.

Привычный мир рушился, от любовно выстроенных зданий отваливалась кладка, с верхних этажей падали валуны, впечатывая бегущих в страхе людей в землю. Камни оставляли вмятины, огромные кратеры размером с лунные озера – теперь земля маленького мирка Лили была похожа на решетку.

– Я уеду в Индию с Уго, а что будет делать ваш отец, я не знаю, да мне это и не интересно. Скорее всего, он захочет забрать тебя с собой на свою историческую родину.

– Что? В смысле... в Испанию? Он в Испанию со мной, а ты в Индию?

Лили так пристально смотрела на мамин рот, чтобы не пропустить ни слова из сказанного, что в глазах у нее начало двоиться.

– Да. Мама переедет жить сюда, она как раз хотела получить дом подальше от городской суеты.

– Вы сошли с ума!

– Это всего лишь прагматизм. Мы искали оптимальное решение, и мы его нашли.

Лили вновь вскочила с места, на этот раз стул, на котором она сидела, отъехал назад, лишив девушку возможности сесть за стол вновь. Упершись руками в столешницу, Лили склонилась над матерью с видом коршуна, готового напасть на беззащитную добычу.

– Я не поеду. Я никуда не поеду, слышите?!

– Ты хочешь жить вдали от семьи? – спросила мама спокойно.

Она достала из-под стола пачку сигарет и вытянула одну, крутя ее в пальцах, словно играя.

– Вдали от таких, как вы, вполне! Почему вы не посоветовались с нами? Почему решаете, как будет лучше, только для себя? Меня просто бесит, что наше с Уго существование для вас формальность! Мы же тоже люди!

– Успокойся, прошу тебя. – Поморщившись, мама сунула сигарету в рот. – Ты мала еще, чтобы что-то решать.

– Я? Мала? – Лили задохнулась от возмущения. – Я уже привыкла жить в Сага! Тут мой дом, друзья, школа! Я привыкла к учителям и городу, поэтому не хочу покидать это место.

– Ты точно так же привыкнешь к жизни в Испании. Ты же знаешь английский? Значит, не пропадешь.

Лили вдруг захотелось сильно ударить маму чем-нибудь тяжелым. Она прикусила щеку в надежде, что вспышка неконтролируемой агрессии пройдет.

– Я не хочу жить в Испании, – отчеканила она, мысленно считая до десяти, чтобы успокоиться и прийти в себя. – У меня вообще здесь парень есть! Я его не брошу.

– Тогда говори с отцом, – равнодушно ответила мама, делая глубокую затяжку. – Но думаю, парня ты все-таки выдумала, причем только что.

Лили сцепила зубы. Вот так всегда! Любой конфликт разрешается словом отца! Виноватого отца, между прочим! Зачем Лили вообще с ним разговаривать? Она ведь знает, что ничего толкового не добьется от него – он лишь запудрит ей мозги своей любовью, а потом вновь сделает по-своему, не дав ей и слова сказать.

И ничего она не выдумала! Она ни с кем не встречалась в данную минуту, но разве сложно будет найти такого парня, который согласится подыграть ей? В этом обмане Лили видела единственный шанс на спасение.

Дело было даже не в том, что ей придется заново выстраивать привычный мир и привыкать к новым правилам, а в том, что она не хотела покидать родную страну. Пусть она и не чистокровная японка, но ведь она родилась тут! Здесь живет ее семья, друзья, здесь для нее все такое привычное и родное! Неужели она готова променять это на какое-то другое место?

Отставив назад ногу, Лили носком подтянула стул за ножку обратно к столу, затем села на него, одну ногу поджав под себя, а вторую – коленом подтянув к подбородку.

Они сидели в молчании некоторое время; Лили безрадостно наблюдала, как кружится дымный вихрь под потолком. Мама сидела в той же позе, безучастная и задумчивая.

– И давно ты куришь? – спросила Лили, всеми силами желая сменить тему разговора, чтобы сбавить градус напряжения между ними.

Мама неопределенно пожала плечами, вскидывая руку с дымящейся сигаретой.

– С сегодняшнего дня, – коротко ответила она.

Во сколько именно брат пришел из школы, Лили не знала – она в этот момент ушла из дома, чтобы прогуляться и побыть одной. Уже вечерело: люди наводнили улицы, по городу образовались плотные, душные пробки. Она сама не знала, куда идет, ее просто вело странное, неопределенное чувство, и Лили подчинилась ему и не сводила глаз с ровной черты горизонта, который постепенно темнел. Холодный весенний воздух жег щеки, залетал в нос, застилал пеленой слез глаза – Лили то и дело раздраженно вытирала щеки, зябко поеживаясь. Эта прогулка должна была освежить ее, придать сил и натолкнуть на решение проблем, но пока что решение не приходило, а свежести Лили еще не почувствовала. Состояние девушки стало во сто крат хуже – увидев знакомые улочки, здания и лица, Лили тихо застонала от неприятной боли в сердце.

Даже тот парень, который схватил ее за руку, не вызывал в ней больше гнева, только сожаление и сильную, будоражащую тревогу. Лили и подумать не могла, что кто-то может вызывать в ней подобные чувства – и это явно не было его личной заслугой, отнюдь нет. Все дело было только в Лили, в ее восприятии вещей. Если бы она не должна была уезжать, волновало бы ее это так, как волнует сейчас? Совершенно нет!

Домой она пришла взвинченная, раздосадованная всем, что ей пришлось сегодня вытерпеть – дело было не только в ужасной новости, после которой она никак не могла успокоиться, но и в том, что именно сейчас, в этих не самых простых для девушки обстоятельствах, ей поручили писать научную работу на конкурс! Она просто не могла позволить себе подвести человека во второй раз.

Да, была еще одна причина, по которой Лили собиралась вступить в бой и выйти победителем – это ее позорное капитуляция после прошлого подобного конкурса. Тогда Лили не была готова к ответственности, да и к самой работе она не была готова: когда вышел весь срок, у Лили не было написано ни строчки. Она просто оставила своего соавтора на произвол судьбы. Это было ужасно, это было более чем безответственно, и Лили это понимала, но ничего не могла поделать со своими комплексами. Это было тяжело признать, но она боялась ответственности. Она не хотела подвести никого во второй раз.

Она бы этого не пережила.

Уго сидел в своей комнате и играл в трансформеров. Лили замерла в проходе, не решаясь войти. Она смотрела, как брат тянется за откинутым в сторону Годзиллой; как его крохотная рука в сравнении с фигурой гиганта кажется еще меньше; как сине-красный трансформер вступает в бой с чудовищем, и как чудовище издает надрывный, душераздирающий крик. Лили вздрагивает, когда крик прерывается тихим вопросом:

– Ты чего хотела?

Уго смотрел на нее заинтересованным взглядом, его темные глаза влажно поблескивали от света, что тянулся со стороны коридора.

Лили неловко вошла в комнату, упала на колени рядом с братом. Его игра завораживала ее, хотя думала она совсем не о ней. Машинально взяв в руки зеленого робота, который лежал тут же неподалеку, Лили осторожно спросила:

– Я присоединюсь к тебе?

Уго не стал возражать, и они начали разыгрывать сцену жестокой расправы над монстром. Годзилла кричал, его рык эхом прокатился по комнате, но бесстрашных роботов это нисколько не испугало – они смело ринулись в бой, пока поверженный не упал на землю брюхом вверх.

– Мы спасли планету, Лили! – воскликнул Уго, победно взмахивая кулаками. – Смотри, как он лежит!

– Уго, – Лили не сводила взгляда с лица брата. Глаза у нее были на мокром месте. – Ты разговаривал с мамой?

– Конечно, – простодушно ответил он.

– И она тебе ничего не сказала?

– Конечно, сказала. Она сказала: «Привет, сынок, кушать будешь?» Что за вопросы, Лили?

Лили энергично покачала головой. Зря она начала этот разговор. Ей и без того было плохо, а теперь, когда она увидела, что Уго находится в неведении и так спокойно играет в войну миров, ей вовсе стало тошно. Она попыталась что-то сказать, чтобы не выглядеть в глазах ребенка глупой, но потом не выдержала – какая, к черту, разница, что Уго подумает? – и порывисто прижалась к брату, не сдерживая душащих слез. Она плакала беззвучно, хотя все равно умудрилась напугать брата, который не решался пошевелиться. Так они сидели какое-то время, пока их не позвала мама.

– Не говори ей о том, что только что произошло, хорошо? – спросила Лили, всхлипывая и поспешно вытирая глаза и щеки.

– Ладно, но ты расскажешь мне, что тебя так расстроило? Тебе нравился Годзилла?

– Если честно... да. Очень нравился. Он не заслуживал смерти.

– Тогда он разрушил бы планету, – просто сказал Уго.

– Может, это было бы к лучшему, – пробормотала Лили себе под нос и вышла из комнаты, оставив Уго один на один с новой истиной.

Хидео: стремление к сердцу

Шум города немного успокаивал, заглушая все тревожные мысли. Приятно было жить этот миг, жить по-настоящему, чувствуя каждой клеточкой тела свое существование. Хидео слился с толпой, с удовольствием вдыхая в себя аромат теплого вечера подобно тому, как другие вдыхают дым сигарет. Это чувство заполняло его всего, от самых кончиков ногтей до самого сердца.

Все всегда стремится к сердцу.

Мичи пришла вовремя, не опоздав ни на минуту – такая педантичность напоминала Хидео дни, когда он гулял с Генджи. Тот тоже всегда приходил минута в минуту, еще и другу пенял за то, что тот опаздывает (всего на пять минут!). В этот раз Хидео решил подготовиться тщательнее, пришел заранее, чтобы не заставлять даму ждать.

Наряд Мичи почти полностью скрывал длинный мешковатый плащ в крупную зеленую клетку – в нем она казалась такой маленькой и бесформенной, что вызывала желание непременно снять с нее верхнюю одежду. Две крупные пуговицы черного цвета перетягивали на себя все внимание. Хидео сам не понял, когда и почему начал пожирать их глазами.

Мичи любезно протянула руку, как бы предлагая ее галантно поцеловать.

– Привет, – сказала она, улыбаясь.

Хидео улыбнулся в ответ, неловко пожимая ее холодную гладкую ладонь. К губам поднести не успел – Мичи вырвала руку, чтобы удобнее перехватить красный зонт-трость.

– Ты давно здесь? – спросила, глядя под ноги.

Хидео вновь критическим взглядом оглядел одежду Мичи. Только теперь он с удивлением отметил, что она одета в теплое пушистое пальто, держит в руках большой кровавый зонт. Сам Хидео выскочил на улицу в простой тонкой ветровке и не позаботился о том, чтобы прихватить что-нибудь еще. Погода была теплая, небо только-только затянулось вечерними густыми облаками, вокруг было сухо – ни малейшего намека на дождь или резкое похолодание.

– Нет, только что пришел, – ответил Хидео, хмурясь. – Тебе не жарко в пальто? И зачем тебе зонт?

Мичи удивленно вскинула брови. Она не думала, что Хидео спросит ее об этом. Она попыталась улыбнуться, но тело плохо слушалось ее приказов. В итоге она спрятала руки за спину и тихо ответила:

– Передавали дождь.

Продолжая разыгрывать из себя горе-кавалера, Хидео открыл дверцу кафе, возле которого у них была назначена встреча, и пригласил Мичи войти.

– Ты здесь бывала раньше? – спросил он, ведя ее к своему любимому столику.

– Да, – ответила она с улыбкой. – Довелось прийти как-то. Тут хороший кофе.

– Чудесный кофе!

Они сели. Мичи неустанно терла озябшие руки, массировала запястья, давила пальцем в центр ладони, чтобы немного согреться и размять затекшие суставы. Хидео со смесью любопытства и непонимания наблюдал за ней, не мешая и не перебивая. Заметив его взгляд, Хамада игриво потрянула белыми короткими волосами, будто смахивая непослушные локоны с румяного лица. Потом осторожно взяла меню и стала медленно бродить взглядом по ассортименту. Периодически она поднимала на Хидео свои темные глаза и спрашивала, посмеиваясь:

– Ты что будешь?

– Я тут все перепробовал. Буду то же, что и ты.

– Тогда, – она протянула ему меню, – советуй ты.

Хидео похвалил каждое блюдо, особенно выделяя ванильный раф и черничные тарталеты. Они сделали одинаковый заказ и стали ждать.

– Забавно, но я раньше не любил тарталетки, – сказал Хидео. – Мне не нравилось тесто в корзиночке, и я всячески избегал этого десерта. Однажды я забрел сюда в самый разгар летнего фестиваля – тут тогда было специальное меню, где все привычные названия блюд переименовали на что-то, имеющее отношение к еде лишь косвенно. Я случайно заказал здесь «Черничный вызов» и был очень удивлен, когда увидел тарталетку вместо простого пирожного! На удивление, мне понравилось.

– Ты тогда пришел сюда впервые? – спросила Мичи.

– Да! Искал место, где можно спастись от жары и солнца.

– Что ж, это и впрямь «вызов»!

Им принесли их заказ. Хидео не раз после того случая с летним фестивалем заказывал черничные тарталетки, но это не шло ни в какое сравнение с тем, какое впечатление блюдо произвело на Хидео сегодня – он с головой ушел в воспоминания о том дне, когда разрушилось его главное предубеждение.

Девятнадцатое июля. Хидео одет в дурацкую кепку Сатоси из «Покемонов», на улицах асфальт плавится от жары, а у него нет даже солнцезащитных очков, чтобы спрятаться от палящих лучей. Он заходит в первую попавшуюся дверь, это оказывается кафе со странным названием – «Фуничи». Кажется, что здесь все пропитано кофейными парами: диванчики, столы, зеркальный бордовый пол, белый потолок, люди. Спасается от жары не только он – другие посетители стали добровольными заложниками этого крошечного пространства кафе. Их держит здесь только кондиционер, работающий в полную силу. Хидео садится на первый попавшийся диван, все остальные места заняты, и здесь он вновь оказывается рядом с солнцем, бьющим в окно. Вокруг шумно, это мешает ему сосредоточиться, поэтому, когда приносят меню, он без раздумий заказывает черничный десерт, ожидая что угодно, но не ненавистную тарталетку.

Сначала ему хочется уйти, позорно сбежать, проклиная все на свете, но потом он думает, что раз день испорчен, хуже все равно не станет, и решительно берет в руки «Черничный вызов». Попробовав тарталетку, Хидео даже в лице меняется: настолько он поражен прекрасным вкусом. Еще никогда он не пробовал чего-то настолько вкусного и нежного. Тесто корзиночки сладостью тает во рту, а черника придает кислинки, что даже немного щиплет язык.

Из воспоминаний Хидео выдернул звонкий смех Хамады. Вздрогнув, Мацумура посмотрел на нее, пытаясь понять, почему она так веселится.

– Ты чего? – поинтересовался он.

– Просто... ты так мило выглядишь, когда вспоминаешь.

Свои слова она подтвердила красивой улыбкой, а Хидео попытался успокоить себя тем, что это был просто неудачный комплимент. Наверняка у него на лице было написано, что он окупнулся в воспоминание того дня, иначе как это понимать?

– У вспоминающих людей, наверное, очень глупая физиономия? – предположил Хидео, растягивая губы в улыбке.

– Вроде того.

Ему было не по себе от их тет-а-тета, от бесцельности времяпровождения и от ее красивого лица. При других обстоятельствах Хидео мог бы получить удовольствие от общества Мичи, но сегодня какой-то странный внутренний барьер мешал ему это сделать. Его не покидало ощущение, что Хамада ведет себя наигранно. Будто она знает, что ее снимает скрытая камера и изо всех сил старается не облажаться. Все ее жесты – отточенные, грациозные, размеренные – выдают многочисленные тренировки, самостоятельно поставленные движения перед зеркалом. Наверняка она очень долго училась подносить руку к лицу так, чтобы это выглядело красиво.

Хидео откровенно любовался ей, но ему казалось, что он любит актрисой в роли самой себя, нежели простой милой девушкой.

– У тебя меняется лицо, когда ты о чем-то вспоминаешь, – добавила Мичи. – Я уже наблюдала за этим твоим состоянием. Сегодня в саду, помнишь? Ты просто... даже не знаю, как объяснить... твой взгляд становится пустым, бесполом. Ну, то есть совсем пустым. Как будто твоя душа вылетела из тела и отправилась путешествовать. А потом ты застываешь, как изваяние. Как будто в этот момент ты... уже умер.

– Воспоминание как смерть – звучит интересно, – проговорил Хидео, которому стало не по себе от того, что сказала внимательная Хамада.

– Расскажи, о чем ты вспоминал тогда, в саду.

Хидео попытался вернуться в тот момент. Он много о чем думал, когда они сидели и разговор у них не клеился, но из всего, что он мог в тот момент вспоминать, на ум пришла только старая мамина сказка про коллекцию душ. Будет ли Мичи интересно об этом послушать?

– Это на самом деле довольно странное воспоминание, – пробормотал Хидео, почесывая затылок. – Просто ты говорила об увлечении черепами, ну вот я и... и вспомнил о сказке, которую мне мама рассказывала в детстве. Про Инари и кицунэ.

– Инари? – Хамада чуть подалась вперед. – Это богиня, чей храм я стараюсь посещать хотя бы раз в неделю.

– Да, да, и ты, и я, и Лили... В общем, моя мама очень почитает Инари, поэтому ее сказка всегда остается со счастливым для нее финалом. Точнее, открытым финалом – моя мама просто верит, что у Инари все будет хорошо, и она сможет прийти в наш мир, чтобы сделать его лучше.

– Расскажи мне эту сказку, – выдохнула Мичи, не сводя с лица Хидео внимательного взгляда.

– Однажды богиня Инари решила показаться на людях – чтобы это сделать, ей нужно было собрать семь душ для перехода в мир людей. Души нельзя было собрать просто так: человек должен добровольно пожертвовать свою душу, чтобы та обрела ценность. Так как Инари не имела доступа к человеческому миру, она послала своих верных помощников-лис, которые, превращаясь то в прекрасных юношей, то в молодых девушек, уговаривали людей отдать свои души добровольно. Поняв, что таким подходом они ничего не добьются, лисы решили предложить людям выгодную сделку: душа в обмен на становление кицунэ. Так дело пошло быстрее – первая душа стала кюби, ее мудрость не знала границ, вот только не повезло ей, ибо она влюбилась в человека и впоследствии родила ему сына. Другая душа зазналась и отказалась совершить обмен, и лисы сделали ее одержимой – со временем у нее поменялся голос, привычки, поведение... Одержимых кицунэ ждет одна дорога – неминуемая смерть. Третья душа, заметив изменения второй, решила ее погубить, да только превратилось это в настоящую бойню, которую вызвался предотвратить бравый воин, искатель истин. В помощники он взял старого монаха, который оказался мало полезен для воина. Еще там был ханье, и он помог воину в одном из испытаний, но я уже не помню, к чему это привело. Поняв, что натворили, лисы избрали новую кицунэ, которая должна была спасти бедных людей от самоуничтожения. А новая кицунэ, отдавшая свою душу добровольно, сказала лисам: «Если вы хотите получить семь душ – дайте людям сделать все самостоятельно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.